

Рия Тева

Эхо
Апейрона

Рия Тева
Эхо Апейрона. Книга вторая
Серия «Эхо Апейрона», книга 2

<https://litres.ru/73768569>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОЙКУМЕНА ПЫЛАЕТ

Так говорят с тех пор, как фаберы вышли на площадь с требованием справедливости, а ликторы ответили огнём.

Я, Кассандра Рейс, выжила. Меня приютили повстанцы — те, кто отказался делить город на орды. Но внутри меня — пустота. Мой дар почти уничтожен, и единственное, что осталось, — слабая нить, связывающая меня с Логаном.

Он жив. Я знаю. Но где он?

Пока я учусь заново доверять себе, в убежище появляется тот, чья благодарность перерастает в нечто большее. И я всё чаще ловлю себя на мысли: мои чувства к Логану — настоящие? Или это мой дар заставляет меня любить?

А Логан, ослепший и запертый в бетонных лабиринтах, встречает девушку из прошлого - свою первую любовь.

Смогу ли я вытащить его, прежде чем его сознание навсегда растворят в Аркосе? И найду ли ответ на главный вопрос: любовь — это выбор или всего лишь отражение моей собственной боли?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Пробуждение	5
ГЛАВА 2. Убежище	23
ГЛАВА 3. Теренций	44
ГЛАВА 4. Чужая кровь	55
ГЛАВА 5. Его глазами	70
ГЛАВА 6. Клетка	78
ГЛАВА 7. Старый знакомый	92
ГЛАВА 8. Открытие	105
ГЛАВА 9. В плену	119
ГЛАВА 10. На грани сомнений	129
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Рия Тева

Эхо Апейрона.

Книга вторая

ПРОЛОГ

Темнота поглощала, как океанская бездна, и я не могла сопротивляться — не было сил. Тело стало тяжёлым и чужим, будто принадлежало кому-то другому. Площадь, крики, запах жженой плоти и кровь на руках — всё это исчезло, оставив меня наедине с болью.

Внутри образовалась пустота — густая, давящая, вытесняющая всё, что делало меня собой. Страх, боль и надежда, с которыми я жила девять лет, исчезли, бесследно растворившись в темноте.

Пустота была тихой и безмятежной. В ней не нужно было бороться, помнить или чувствовать.

В ней можно стать никем. Можно сдаться, позволить тьме утащить сознание на дно, припорошить тело песком, отдав кусочки себя морским чудовищам на растерзание.

Я хотела остаться там, на дне, погрузившись в морскую пучину. Желательно навсегда.

ГЛАВА 1. Пробуждение

Сознание возвращалось рывками — короткими, резкими вспышками, от которых раскалывалась голова и пульсировало в груди. Я видела бледное, искаженное болью лицо Элиоса, слышала его хриплый голос: «Держись, Касс». Иногда замечала Райли, которая вела нас через дым, огонь и трупы.

И снова — долгая, тягучая тьма.

Я парила, тонула и всплывала. Я ждала, сама не зная чего: смерти, покоя, а может, просто конца.

Но конец не наступал.

Внезапно меня потянуло вниз, увлекая водоворотом, и я оказалась на арене.

Вокруг царила пустота. Лишь песок, пропитанный кровью, и столб, к которому привязали Логана, напоминали о пытках. Ни палладиев, ни ликторов с плетями — только резкий металлический запах, настойчиво бьющий в ноздри.

Я стояла посреди этой пустоты и смотрела на темное пятно возле столба. Оно разрасталось, растекаясь по песку, подбираясь все ближе. Я хотела отступить, но ноги приросли к земле. Пришлось стоять и смотреть, как кровь Логана заливает арену.

— Логан! Где ты? — закричала я. — Логан...

Мой голос, превратившись в одинокое эхо, поглотил тишину.

Очнувшись во второй раз, я проморгалась и попыталась сфокусировать взгляд. Через мгновение передо мной возникла белая комната без окон и дверей — только стены, свет и металлическое кресло с ремнями.

В нем сидел Логан.

Я бросилась к нему, упала на колени, схватила за руку и вздрогнула: та была холодной. Бледной. Чужой.

— Логан, — позвала я. — Логан, очнись! Это я, Касс! Пожалуйста, приди в себя...

Он не ответил. Глаза закрыты, губы сжаты, грудь не двигалась. Я прижалась ухом к его груди, надеясь услышать биеение сердца.

Тишина.

Отшатнувшись, я всмотрелась в его лицо — спокойное и расслабленное, как у спящего. Или...

Я опоздала.

— Ты обещал, — прошептала я. — Ты обещал вернуться. Логан не ответил.

Вспышка — и я на площади среди толпы. Люди стояли рядами, молчаливые, с опущенными головами. В центре, на столбе перед Капитолием, висело тело. Я не могла разглядеть лицо, но сердце подсказывало: там прикован Логан.

Я кинулась сквозь толпу, расталкивая людей — они не двигались. Стояли, как каменные изваяния, и смотрели в

землю.

Добравшись до столба, я замерла.

Логан смотрел прямо на меня. Живой. С глубокой раной на боку и небрежной улыбкой на губах, от которой у меня сжималось сердце.

— Касс, — прохрипел он, и облачко пара окутало его лицо. — Ты пришла.

Я бросилась к нему, обняла, прижалась и с облегчением выдохнула, ощутив его тепло, дыхание и нежные прикосновения к спине.

— Ты жив, — прошептала я, — Ты жив.

— Я буду жить, пока ты помнишь обо мне, — ответил он. Взглянув на Логана, я отшатнулась, не веря своим глазам. Черты лица расплывались, таяли, превращаясь в белое пятно, а руки, еще секунду назад обнимавшие меня, безвольно опустились.

— Ты не настоящий, — выдохнула я, зажимая рот рукой.

— Нет, — ответил Логан. — Не настоящий.

И исчез.

Видения сменяли друг друга, как картинки в калейдоскопе. Я не могла их остановить, не могла понять, где реальность, а где обман. Я варилась в собственной агонии, словно в адском котле, и каждый раз, просыпаясь, не знала, где очнусь в следующий раз — на арене, на площади или в белой комнате.

Раз за разом на моих глазах Логан умирал, оживал и сно-

ва умирал. Я кричала, просила очнуться, но он не слышал. Тишина в его груди была настолько пугающей, что я ощущала, как собственная пустота заполняет легкие, вытесняя последние крупы воздуха. Я хотела очнуться. Хотела, чтобы этот кошмар кончился. Хотела умереть — лишь бы не видеть снова его смерть.

Кажется, этим пыткам не будет конца.

Вспышка — и я снова в белой комнате, перед живым Логаном, сидящим в кресле.

— Я здесь, Кассандра. Я жив, — тихим голосом прошептал Логан.

Я рванулась к нему, но не успела сделать и шага — меня рывком откинуло назад. Я попыталась вырваться из невидимых пут, но не смогла пошевелиться.

— Я найду тебя, — кричу я. — Слышишь? Обещаю!

— Я верю тебе, — он вяло улыбнулся.

Тусклые лампы отбросили тень — это Корд заносит нож для удара.

— Осторожно!

Внезапно лицо Логана исказила гримаса боли, и голова безжизненно упала на грудь. Он дернулся в последний раз и замер.

— Нет, — прошептала я. — Нет, нет, нет...

Вырвавшись из пут и в мгновение оказавшись рядом, я стала трясти Логана за плечи, била по щекам, кричала, но он не просыпался. Только голова безвольно моталась из сторо-

ны в сторону.

— Ты обещал, — рыдала я. — Ты обещал вернуться. Ты обещал!

Логан не ответил.

— Логан!

Свет погас, в который раз погружая меня в темноту.

Я вынырнула из кошмара, судорожно хватая воздух ртом. Пыталась вдохнуть, а когда поняла, что воздух не поступает в легкие, запаниковала. Задыхаясь и кашляя, перевернулась на бок и чуть не упала, но чьи-то руки удержали меня, мягко уложив обратно.

— Тише, тише. Ты в безопасности, — тихо шептал голос, нежно глядя по спине. — Дыши. Просто дыши.

Сделав несколько попыток, я с шумом втянула воздух и обмякла. Тусклый свет пробивался сквозь приоткрытые веки. Неужели кошмар отступил? Я попыталась разлепить глаза и рассмотреть окружающее пространство.

Темный потолок нависал так низко, что я могла рассмотреть трещины затуманенным взглядом. Мигающая лампочка отбрасывала тени, а в воздухе витал запах сырости, лекарств и горелой ткани.

Я не могла сказать с уверенностью, реальность это или очередной сон, но чувствовала сосущую изнутри пустоту. Она была похожа на ту, из забвения, только эта пустота сдавливала грудь.

Сглотнув, я попыталась подавить тошноту и повернула го-

лову. На стуле рядом с кроватью сидела Райли. Лицо бледное, под глазами залегли тени. Моя ладонь покоилась в ее холодной руке — она держала крепко, боясь, что меня снова у нее заберут.

Сколько прошло времени? День? Неделя? Месяц?

— Где я? — я не узнала свой голос: хриплый, чужой, словно им не пользовались долгое время. — Логан... Жив?

От одного взгляда на Райли у меня скрутило живот.

— Райли... — слова давались с трудом, но я знала, что тетя меня слышит, пусть и не торопится с ответом. — Скажи мне. Где он?

Райли отвела взгляд. Ее пальцы, сжимавшие мою ладонь, дрогнули. Я высвободила руку и сжала запястье Райли так крепко, насколько хватило сил.

— Кис-кис, тебе нельзя волноваться, — голос дрогнул. — Ты пробыла без сознания около недели. У тебя обезвоживание, Кэсси. Теренций сказал...

— Райли.

Я смотрела на нее и чувствовала, как пустота внутри начинает пульсировать — рвано и хаотично. Что бы ни сказала Райли, мне это точно не понравится, но не знать, где Логан и что с ним, я больше не могла.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Скажи мне, где он.

Райли молчала, обдумывая, как лучше сообщить плохие новости. Я знала: в том, что она так боялась сказать, не было ничего хорошего. Но я ждала ответа, вцепившись в ее руку.

— Мы не знаем, — наконец выдохнула Райли. — Никто не знает.

— Что значит «никто не знает»?

— Когда мы бежали с площади, ты потеряла сознание. Элиос нёс тебя, а я показывала дорогу. Никто не видел, что случилось с Логаном, — она сглотнула. — Мы не знаем, жив ли он.

От её слов внутри что-то оборвалось. Не нить, которая исчезла там, на площади, а то, что помогало мне держаться на плаву все эти дни без сознания.

— Его не нашли, — быстро добавила Райли, заметив, как изменилось моё лицо. — Корвин посылал людей разведать обстановку. Они не нашли его тела, Кис. Ни среди убитых, ни среди раненых. Его там нет.

Я смотрела на Райли, пока её слова медленно пробивались сквозь пелену ужаса. Тела не нашли. Значит, есть надежда.

— Мне нужно его найти, — я попыталась встать, но мир внезапно перевернулся: потолок закачался, стены поплыли, и в голове взорвалась ослепительная вспышка. Я застонала — не от боли, меня переполняло отчаяние от собственной беспомощности.

— Кис-кис, лежи! — Райли придержала меня за плечи, пытаясь уложить обратно, но я не послушалась. Я должна была встать. Должна была найти его.

— Пусти, — прохрипела я. — Я должна... я могу его найти, почувствовать...

Закрыв глаза, я попыталась ощутить внутри пульсирующую сеть, связывающую меня с Логаном. Но вместо теплых золотых нитей, вместо привычного света и тепла, которые я научилась различать даже сквозь боль, меня окутала тьма.

Я погрузилась в нее, тянулась, искала, звала. Должна же быть хоть одна нить, хоть намек на то, что он жив. Я вглядывалась в эту тьму, надеясь уловить знакомое свечение или отзвук его сердца.

Но вокруг была только бесконечная пустота. Густая, тяжелая, она давила со всех сторон, проникала в уши, нос, горло. Пустота вытеснила воздух вместе с последними крупинками надежды.

Я хотела вынырнуть, вернуться к свету. Открыть глаза и забыть эту тьму, как страшный сон. Но тело не слушалось — я оказалась в собственной ловушке.

Почти достигнув дна, я ощутила мощный удар. Он разорвал сознание, выжег всё внутри, оставив только пульсирующую агонию. Крик разлетелся по пустоте, но так и не достиг поверхности. Здесь не было воздуха. Я кричала, а тьма отвечала эхом. Оно разрывало череп, заставляя чувствовать, как трескаются кости, как плавится мозг, как исчезает всё, что я знала о себе.

Что-то влажное и липкое заливало губы, подбородок, грудь. Я чувствовала вкус — металлический, соленый, живой — и хваталась за него, как за спасательный круг. Если есть кровь, значит, я еще жива. Значит, пустота не победила.

С трудом разлепив глаза, я увидела, как мир качается, распадается на части и собирается вновь, как пазл. Видела, как Райли белеет на глазах, как ее руки сжимают мои плечи.

Я хотела сказать, что всё в порядке, что я просто искала Логана. Но меня вывернуло наизнанку. Сухие, мучительные спазмы скручивали живот. Желудок был пуст, и только желчь обжигала горло, заставляя давиться собственной горечью.

— Кассандра! — голос Райли доносился откуда-то изда- лека, — Теренций! Теренций, сюда!

Кто-то подхватил меня и удержал, не давая скатиться с койки. Я слышала быстрые шаги, приглушённые голоса, ощущала, как чья-то рука проверяет пульс.

— Дышите, Кассандра, — сказал низкий мужской голос. — Медленно и глубоко, вот так.

Я повернула голову и увидела незнакомца лет пятидесяти, может, старше — в тусклом свете лампы возраст угадывался с трудом. Лицо изрезано глубокими морщинами, словно кто-то провел ножом от крыльев носа к уголкам губ и от глаз к вискам. Но глаза были живыми, светлыми и внимательными.

Седая щетина покрывала щеки и подбородок. Густые седые волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб с залысинами. Белый халат сидел на нем мешком. Но руки — длинные, сухие, жилистые, с выпуклыми венами и аккуратными ногтями — оказались неожиданно сильными.

Пальцы мужчины легли мне на запястье — холодные, су-

хие, но цепкие. Он держал меня крепко, но не больно, и я чувствовала, как он считает пульс.

— Пульс частый, давление упало. Принесите седативное. Оно в шкафу, на второй полке, — сказал он с легкой картавостью.

— Сейчас, — голос Райли дрожал. Она вскочила со стула, в мгновение оказавшись в конце комнаты.

— Не спешите, — спокойно ответил мужчина. — Состояние не критическое. Организм справится сам, но с небольшой помощью.

Каждый вдох давался с трудом, но я продолжала дышать, пока мир не перестал кружиться, пока боль не отступила, прячась глубоко внутри.

— Кассандра, — произнёс мужчина, привлекая моё внимание. — Меня зовут Теренций. Вы в безопасности. Я дам вам лекарство, и боль пройдёт.

Он протянул таблетку, которую передала Райли — маленькую, белую, без опознавательных знаков. Я смотрела на нее и вспоминала желтых медвежат, которые глотала каждое утро.

— Что это? — прохрипела я.

— Лекарство от боли и тошноты. Ничего более.

Я взяла таблетку, сунула в рот и проглотила. Она была горькой и царапала горло, но через несколько минут боль в висках утихла, а живот перестало выворачивать.

Теренций выпрямился, поправил очки и сказал:

— Теперь отдыхайте. Вы сможете спать без снов. Я зайду позже, проверить состояние. Райли, присмотри за ней.

Я хотела спросить, откуда он знает про сны. Хотела сказать, что не хочу спать. Что должна найти Логана. Но язык не слушался, и только пустота внутри пульсировала в такт сердцу, напоминая, что я еще жива.

***

Не помню, сколько времени прошло, но, очнувшись, я почувствовала себя лучше. Рядом с койкой сидела Райли. Услышав, как я пошевелилась, она открыла глаза и улыбнулась.

— Ты напугала меня, Кис-кис, — сказала она тихо.

— Я что, снова отключилась на неделю?

— Нет, — Райли дотронулась до моего лба и кончикам пальцев убрала выбившуюся прядь. — В этот раз лишь на сутки. Тебе лучше?

— Кажется, да...

— Не тошнит? Как голова? Есть хочешь? — оживилась Райли, решив засыпать меня накопившимися вопросами.

— На все вопросы ответ отрицательный.

Она вздохнула. Плечи опустились, морщинка между бровями разгладилась.

— Где мы? Расскажи мне, — попросила я, сжимая ладонь Райли, поглаживая большим пальцем по тыльной стороне. — Почему случился бунт? Как ты оказалась в самом его цен-

тре?

Райли помолчала, собираясь с мыслями. Потом вздохнула — тяжело, устало, как человек, который слишком долго носил в себе то, что нельзя произносить вслух.

— Мы в убежище, — начала она. — На окраине города. Здесь прячутся те, кто отказался делить Ойкумену на орды и соглашаться с новыми Заповедями. Фаберы, сервы, даже несколько авгуров. Мы не хотим быть частью системы, Кис. Мы хотим жить по-человечески.

— По-человечески? — переспросила я. — В Ойкумене?

— Ты не видела, что творилось, когда тебя не забрали в академию, — голос Райли стал тише, но твёрже. — Пайки урезали снова. Говорили, что все ресурсы идут на восстановление города после бунта. Но мы знали правду: они кормили академию и патрициев. А те, кто выращивал овощи, получали концентрат, от которого тошнило уже после первой ложки.

— Подожди... Ты сказала «после бунта»? Это был не первый раз?

— Не первый, — тихо сказала она. — Тот бунт был год назад. Точнее, жалкая попытка... Меньше людей, меньше шума. Почти никто о нем не узнал.

— Расскажи.

Райли смотрела на меня — долго, изучающе, будто решала, стоит ли ворошить прошлое.

— Томас Корвин — мой начальник, ты его помнишь? Он

пришёл ко мне через несколько дней после того, как тебя забрали. Сказал, что у его брата, Виктора, год назад забрали дочь. Палладий, как ты. Ей было двенадцать, Кис. Двенадцать.

Райли сжала мою руку так, что стало больно. Но я не перебивала.

— Виктор пытался добиться справедливости. Писал рапорты, ходил к начальству, требовал объяснений. Ему сказали то же, что говорят всем: это честь для семьи, девочка будет служить Ойкумене, а он, как отец, должен гордиться.

Она помолчала. Сглотнула вставший в горле ком.

— А через месяц они сообщили, что она не прошла отбор. «Изьята», — сказала Райли, и я поежилась. — Её больше никто не видел.

Я закрыла глаза. Передо мной снова были те страницы, которые я вырвала в архиве. Имена. Даты. Строка «изъята» в графе «результат».

— Виктор не смирился, — продолжила Райли. — Он начал собирать недовольных. Тайком, по ночам. Их было всего три десятка — те, кто потерял детей, те, кто видел, как их соседи исчезают, те, кто просто устал голодать. Томас, мой начальник, пытался вразумить брата. Говорил, что ещё не время, что людей мало, что система их раздавит. Но Виктор не слушал.

— Что случилось? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Они вышли на площадь. Через неделю после того, как

им сообщили о смерти его дочери. Тридцать человек с плакатами и криками. Держались недолго. Ликторы разогнали их за десять минут.

— Никто не вернулся домой, — прошептала я.

Райли покачала головой.

— Никто. Их просто... не стало. Как будто их никогда и не было. Томас искал брата неделю. Обзванивал морги, ходил в участки, писал запросы. Ему отвечали: «Нет сведений. Обратитесь позже».

— И что, Томас нашел брата?

— Нет. Он перестал искать. Понял, что так безопаснее для него и его семьи. — Райли вздохнула. — Но он не забыл. Когда через год понял, что система не изменилась, что пайки снова режут, а детей всё так же забирают — он решил начать действовать.

— Так это Корвин организовал бунт? — я не знала, радоваться тому, что хотя бы кто-то пытался противиться установленным порядкам, или ненавидеть Томаса за то, что втянул в свои планы Райли. Но вслух об этом не сказала. Раз тетья на это решилась, скорее всего, игра стоила свеч.

— Да, но не сразу. Сначала просто собирались в подвале завода, говорили, искали единомышленников. Теренций появился позже — он нашёл их сам. Сказал, что на окраине есть заброшенное промышленное здание, и там живут те, кто отказался принимать законы патрициев. Люди, которые укрылись здесь, принесли сюда множество книг, архивные

материалы, которые успели скрыть от ликторов. Здесь хранится наша история, Кэсси. Все то, что они так хотели уничтожить, пока мы прятались в бункере.

Я вдруг поняла, что она уже не та Райли, которая пекла печенье и ворчала, что я слишком много смотрю мультиков. Она стала другой — тверже, старше, опаснее.

— Сколько вас сейчас? — спросила я.

— В убежище — около сотни. Тех, кто готов сражаться — меньше. Но с каждым днём приходят новые.

— А бунт? — спросила я. — Как вы решились действовать?

— Корвин хотел ждать. Собирать силы, готовиться. Но пайки урезали снова. Люди начали голодать. А потом кто-то пустил слух, что патриции скоро заберут всех детей, у кого проявится дар. Мы не могли ждать. — Райли посмотрела на меня. — Я пошла с ними, Кис. Не потому что хотела воевать. Потому что не могла больше сидеть сложа руки, зная, что с вами делают в академии.

— Откуда... ты знаешь? — я удивленно уставилась на нее.

— Теренций — бывший авгур. Он знает такое, о чем мы даже не догадывались, Кэсси. Но, если захочешь, может потом расспросить его сама.

— А Сибилла? Элиос? — спросила я, чувствуя, как внутри что-то сжимается. — Они как?

Райли улыбнулась.

— Элиос нёс тебя почти всю дорогу, — сказала она. — У

него треснули рёбра, он хромал, но не останавливался. Я говорила ему: «Передохни, она не упадёт». А он только головой мотал: «Она бы сделала то же для меня. Она уже делала».

Я закрыла глаза. Представила его — огромного, нелепого, с каменной кожей, с хрупкими костями. Наверняка Элиос тащил меня на себе, а сам едва не падал.

— А Сибилла?

— Сибилла... — Райли замолчала, подбирая слова. — Она несколько раз теряла сознание. Слишком много голосов, слишком много боли вокруг. Я думала, мы её потеряем.

— Где они сейчас?

— Отдыхают. Элиос уже на ногах, ходит без трости. Говорит, что «кости срастаются быстро — спасибо дурацкому дару». — Райли усмехнулась, но улыбка вышла грустной. — А Сибилла... она стала тише. Меньше говорит, больше слушает. Теренций говорит, это пройдёт. Ей нужно время.

— А ты? — спросила я, искренне желая узнать о ее состоянии. — Ты как?

Райли посмотрела на меня. В её глазах блестело что-то, чему я не сразу нашла название.

— Когда за тобой пришли... — начала она и замолчала. Провела рукой по лицу, будто стирала невидимую боль. — Я думала, что умру. Не от боли, нет... От мысли, что не смогла тебя защитить. Как тогда, с твоими родителями. Я стояла у того стекла и смотрела, как тебя увозят, и ничего не могла сделать.

— Райли...

— Я поклялась себе, — перебила она, и голос её стал тверже, хотя пальцы дрожали. — Поклялась, что больше никого не потеряю. Что найду способ тебя вернуть. Что буду ждать, сколько понадобится.

— Райли...

— Я ждала, Кис. И каждую ночь боялась, что они сделают с тобой то же, что с другими. Что ты не вернёшься. Что я не успею.

Она замолчала. Я сжала её руку — холодную, но такую родную.

— Но ты успела, — сказала я. — Я здесь.

— Да, — Райли выдохнула, и плечи её опустились. — Ты здесь.

Мы сидели молча. Где-то за стеной гудели голоса, хлопала дверь, кто-то смеялся. Обычная жизнь, которая текла параллельно с нашей болью.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала Райли, вставая. — Я проверю, как там Элиос и Сибилла. А потом, если захочешь, поговоришь с Теренцием.

— Райли...

— Что?

— Спасибо. За всё.

Она наклонилась, поцеловала меня в лоб — как в детстве, когда уходила на работу. Я взглянула на неё — на бледное лицо, на тени под глазами, на руки, которые сжимали мою

ладонь так, будто я могла исчезнуть в любую секунду. Она всегда была рядом. Все эти годы. Даже когда я думала, что осталась одна.

— Спи, Кис-кис, — сказала она. — Я буду недалеко.

Райли вышла. Дверь тихо закрылась.

Я осталась одна. Смотрела в потолок, на мигающую лампочку, и слушала, как за стеной затихают шаги. Внутри всё ещё была пустота. Но теперь она не пугала. Она просто была.

ГЛАВА 2. Убежище

Холодный рассвет пробирался сквозь небольшое окно под потолком. Я лежала, глядя, как он ползёт по стене, и не могла заставить себя пошевелиться.

На мгновение показалось, что я смотрю в окно своей комнаты, и сейчас зайдет мама, позовёт завтракать. Запах корицы и морковного пирога снова защекотал нос. Я знала: оказавшись на кухне, увижу, как мама и Райли хлопочут у плиты, а папа сидит на диване, уткнувшись в книгу. С трудом оторвав взгляд от научной фантастики, которая часто его увлекала, он с улыбкой пригласит сесть рядом. Начнет рассказывать о сюжете, но мама закатит глаза: ей больше нравятся сказки, а не сухая теория из папиных книг.

Я сяду за стол, возьму пару самых больших кусков пирога, а взрослые будут смотреть на меня, перешептываться и хихикать: «Смотрите, какой зверский аппетит».

Обычный день, полный радости и счастья. Один из многих, которые я не ценила. Да и кто мог знать, что привычная жизнь закончится в одно мгновение?

Но что, если кто-то действительно знал?

Я поморщилась. Свет из окна был слишком ярким, слишком настоящим, и я боялась, что если моргну, он исчезнет, а я снова окажусь в темноте.

Но свет не исчезал. Он становился теплее, золотистее. Ложился на серые стены, на грубое одеяло, на мои бледные исхудавшие руки.

Я попыталась сесть, но тело слушалось плохо — мышцы ныли, голова кружилась. Свесив ноги с койки, коснулась ступнями холодного пола. Вдохнула. Медленно выдохнула.

Теперь свет из окна падал на меня, и я сидела так несколько минут, закрыв глаза, чувствуя, как он греет лицо, шею, руки. Пустота внутри не исчезла — она стала менее заметной. Но, возможно, я просто к ней привыкла.

Протерев глаза, огляделась.

Я находилась в небольшой комнате, похожей на лазарет. Три койки: моя — самая дальняя, две другие — пустые, аккуратно заправленные. Вместо привычных кроватей — металлические рамы с тонкими матрасами. Вместо двери — проём, затянутый полиэтиленовой шторой. Такие же шторы разделяли койки — дёшево, но функционально.

Никакой техники. Никаких экранов. Никаких планшетов.

В углу, рядом с моей койкой, ютилась тумбочка с кружкой и тарелкой, накрытой тканью. Рядом — табурет, на спинке которого висела незнакомая одежда: коричневая льняная рубашка и такие же брюки свободного кроя, стянутые на поясе и шиколотках резинкой. Удобно, мягко и по-домашнему.

На дрожащих ногах я подошла к стулу с одеждой. Сняла тунику, в которой спала, натянула рубашку. Прохладная, чуть шершавая ткань с непривычки оцарапала кожу. Брюки

сели свободно, но резинка крепко держала их на талии. Сунула ноги в стоящие рядом ботинки и окинула себя взглядом — кругом был коричневый цвет. Цвет земли, хлеба, рабочих рук. Цвет фаберов, в орду которых я так и не успела вступить официально. Как палладий я скучала по белой рубашке и чёрным брюкам, по плотной, но дышащей ткани, которая не стесняла движений. А ещё, как ни странно, — по ощущению собранности, которое вселяла чёрно-белая цветовая гамма.

Будучи во всём коричневом, я ощущала себя потерянной, как человек, который не знает, куда двигаться дальше. Я тосковала по форме палладия, и от этого чувства стало тошно, словно я одобряла всё то, чем была эта чертова академия.

Отодвинув штору на входе, я вышла из комнаты и очутилась в длинном, плохо освещенном коридоре. Лампы на потолке мигали, отбрасывая длинные дрожачие тени. Стены из серого бетона оставались голыми почти повсюду, лишь кое-где на них виднелись следы краски. На полу не было ни единой трещины, но он казался каменным — холод пробирался сквозь подошвы лёгких ботинок.

Больше всего удивили люди.

Они шли в обе стороны — быстро, сосредоточенно, каждый был занят своим делом и куда-то спешил. Мимо прошли две женщины, у каждой в руках было по охапке белья. За женщинами плелся мужчина с ящиком инструментов и сосредоточенным выражением на лице, покрытом испариной.

Молодая девушка на бегу протиснулась между ними, прижимая к себе грудь тарелок — я позавидовала её ловкости, потому что ни одна тарелка не выскользнула из рук.

Но то, что поразило больше всего, — все они улыбались. Здесь, в этом бетонном коридоре, под мигающими лампами, они чувствовали себя в безопасности.

Ни авгуров, ни ликторов, ни патрициев с их туниками с пурпурной каймой — только бежевые, серые и коричневые тона заполняли коридор.

Я стояла в проходе, и люди обтекали меня, как вода — камень. В их взглядах не было ни подозрения, ни любопытства — никто не обращал на меня внимания. Перед ними стояла простая девушка, вышедшая из лазарета. Я смотрела на этих людей и не узнавала мир, в котором оказалась. Тот, который я знала все девять лет с момента Падения, был построен на страхе, на контроле, на том, что каждый твой шаг — под наблюдением. Здесь люди шли по своим делам, и никто за ними не следил. Никто не вёл учёт. Никто не ждал, когда кто-то оступится, чтобы его немедленно изъять.

Я сделала шаг, потом второй. Нужно идти, неважно, в какую сторону — я не могла больше стоять на месте. Мне казалось, что если останусь здесь, пустота внутри снова начнет расти.

В конце коридора мелькнуло что-то знакомое. Светлые волосы, быстрые движения, миниатюрная фигура.

Сибилла бежала ко мне, расталкивая прохожих. На блед-

ном лице ярко светились радужные глаза, но подруга улыбалась.

— Касс! — она врезалась в меня, обхватила руками, прижалась так крепко, что я едва устояла на ногах. — Ты встала! Тебе лучше?

Я обняла её в ответ, чувствуя, как дрожат её плечи.

— Лучше, — сказала я. — Намного.

Сибилла отстранилась, заглянула в лицо, будто проверяла, не шучу ли я.

— Ты заметно похудела, — проворчала она. — И бледная, как бумага.

— Зато ты вся так и светишься, — ухмыльнулась я.

— Я знаю: если встану рядом с белой стеной, то потеряюсь на её фоне. Так что не льсти мне.

— Жаль, но правда на твоей стороне.

Сибилла на секунду отвела взгляд, но тут же взяла меня за руку.

— Пойдём, — сказала она, потянув меня за собой. — Я покажу тебе, где мы. Только сильно не удивляйся.

— Что тут такого, что может меня удивить?

Подруга не ответила и лишь хитро улыбнулась.

Мы прошли по коридору и, когда свернули в широкий проём, я остановилась на пороге, как вкопанная.

Это был склад. Огромный, с высоким потолком и железными балками, которые уходили куда-то вверх, в полумрак. Вдоль стен тянулись длинные столы, сколоченные из грубых

досок, а за ними сидели люди. Много людей. Они ели, разговаривали, смеялись — и этот звук, живой и гулкий, разносился под сводами, отражался от стен, смешиваясь с запахом горячей еды.

Между столиками бегали дети. Совсем маленькие, которые только учились держаться на ногах, и те, что постарше — лет десяти, двенадцати, пятнадцати. Они визжали, гонялись друг за другом, прятались под скамьями, и никто не делал им замечаний.

— Здесь есть дети с даром? — недоверчиво спросила я, не узнавая свой голос. — Палладии?

— Есть, — Сибилла кивнула. — Корвин помог их спрятать. Родители отказались отдавать их в академию, и тогда Томас и Теренций нашли способ вывезти их сюда ещё до того, как дар проявился.

Я смотрела на девочку лет десяти, которая гоняла мяч с мальчишкой, и не могла отвести от неё взгляд. Глаза девочки светились золотом — совсем как мои, когда дар вырывался наружу. Она смеялась, и никто не смотрел на неё с ужасом.

Сделала шаг вперед, затем еще один. Люди проходили мимо, не замечая моего удивления. Кто-то кивнул Сибилле, кто-то улыбнулся — мимоходом и по-соседски. Я ощущала себя чужой в этом мире, где дети свободно смеялись, а взрослые не испытывали страха.

— Я не знала, что так бывает, — тихо сказала я.

— Я тоже, — ответила Сибилла. — Пока не попала сюда.

Она потянула меня дальше, к дальнему столу, где я заметила знакомые силуэты. Элиос сидел на скамье, положив руки на стол, и казался слишком большим для этой хрупкой самодельной мебели. Рядом с ним — Райли. Она что-то говорила и оживленно жестикулировала. На лице — ни намека на ту усталость, к которой я привыкла.

— Касс! — Элиос вскочил первым. Его глаза загорелись, он сделал шаг, и не успела я опомниться, как он сгрёб меня в охапку, прижал к себе так, что хрустнули кости.

— Ну всё, здоровяк, ты же меня раздавишь, — прохрипела я, но не отстранилась.

— Не раздавлю, — Элиос чуть ослабил хватку, но не отпустил. — Ты слишком тощая для этого. Надо бы тебя откормить.

— Ты сам-то ел в последние дни?

— Я всегда ем, — усмехнулся он. — Это моя работа.

Райли отодвинула его в сторону и сама бросилась меня обнимать.

— Как ты? — спросила она, заглядывая в лицо. — Голова не кружится? Теренций сказал, что тебе нужно...

— Райли, — перебила я, — я в порядке. Правда.

Она не поверила — я видела сомнение в её взгляде, но Райли кивнула и отступила, жестом приглашая сестру рядом.

Я опустилась на скамью. Дерево еще хранило тепло от людей, сидевших здесь раньше. Это казалось странным — теп-

ло исходило не от батарей или ламп, а от человеческих тел, прижавшихся друг к другу.

— Я до сих пор не могу в это поверить, — сказала я, оглядываясь. — Что можно просто сидеть, есть, разговаривать и не ждать, что сейчас придут ликторы или авгуры и заберут на обследование.

— Мы здесь уже несколько дней, — сказала Сибилла, садясь напротив. — Я до сих пор привыкаю.

— А я уже привык, — Элиос опустил рядом с ней, и скамья жалобно скрипнула. — Здесь хорошо: есть еда, и никто не хочет тебя убить. Что ещё нужно для счастья?

— Почти никто, — поправила Райли. — За стенами всё ещё опасно. Ликторы патрулируют город, ищут повстанцев. Но здесь, — она обвела рукой зал, — здесь мы в безопасности. Хотя бы пока.

— Как вы всё это организовали? — спросила я. — Как нашли это место? Как выжили?

Райли откинулась на скамью, задумалась.

— Корвин начал собирать людей еще до бунта. Сначала тайком, по ночам. Обсуждали, что делать, как бороться. Потом кто-то предложил искать убежище — место, куда можно будет уйти, если станет совсем плохо. Теренций знал про склад: тот принадлежал сервам, потом его забросили. Мы пришли, починили что могли и остались.

— А еда? Вода?

— У нас есть свои люди в городе. Они выносят пайки, ме-

дикаменты, одежду. Немного, но хватает. — Райли помолчала. — Конечно, не все хотят помогать. Многие боятся. Но те, кто с нами, они... они верят в общую цель.

Я смотрела на свою тётю и не узнавала, но не потому что она сильно изменилась внешне — я никогда не видела ее такой спокойной, уверенной и собранной.

— Ты стала другой, — сказала я.

— Я стала той, кем всегда должна была быть, — твёрдо ответила Райли. — Просто раньше не могла себе этого позволить.

— А как же дети? — спросила я. — Те, у кого дар?

— Их прячут, — сказала Сибилла. — Теренций дает им лекарства, которые на время подавляют способности, пока не научатся их контролировать.

— А если не научатся?

— Тогда они останутся здесь. Навсегда. — Сибилла посмотрела на меня. — Лучше здесь, чем в академии. Правда?

Я кивнула.

Элиос потянулся через стол и взял кусок хлеба из общей тарелки, которая стояла перед Райли. Она шлепнула его по руке, но он только усмехнулся и откусил половину.

— Ты бы ещё мою порцию съел, — проворчала она.

— Мне чужого не нужно, — ответил он с набитым ртом.

Сибилла закатила глаза, но я заметила, как она улыбнулась, пряча улыбку в уголках губ.

Я наблюдала за ребятами и Райли, которая наливала мне

воду в кружку, и чувствовала, как внутри меня разливается тепло, заполняя пустоту, что еще недавно заполняла все пространство.

— А здесь всегда так? — спросила я. — Шумно, людно... по-домашнему?

— Почти всегда, — ответила Райли. — По вечерам бывает тише, люди расходятся по комнатам, но днём здесь кипит жизнь. Детей нужно кормить, одевать, учить. Взрослым — работать. Мы чиним то, что можно починить, шьём, готовим. Корвин говорит: если мы не будем чувствовать себя людьми, то и бороться перестанем.

— И вы не боитесь, что убежище рано или поздно всё-таки найдут? Как же ликторы и их патрули?

— Боимся, — честно ответила Райли. — Но здесь, под землёй, нас трудно обнаружить. Теренций настроил глушилки, ставит помехи. А если кто и придёт, у нас есть план отхода.

Я смотрела на них и вдруг поймала себя на мысли, что не хочу уходить отсюда. Не сейчас. Не туда, где ликторы, где академия, где белые стены и белые халаты. Здесь, в этом шумном, пропахшем едой и сыростью подвале, я впервые за долгое время чувствовала себя почти в безопасности.

Почти.

Потому что внутри всё равно ныло. Где-то глубоко, там, где пустота ещё не затянулась, пульсировало: его нет рядом. Он там, в холоде, в темноте, и я не знаю, как к нему про-

браться.

Но я промолчала. Слишком рано. Слишком больно. И вместо этого взяла кружку и сделала глоток — тёплой, чуть сладковатой воды, которая пахла травой и почему-то домом.

Мы проговорили еще около часа. Райли рассказывала о том, как устроено убежище, кто за что отвечает, как распределяют еду и воду. Элиос вставлял свои замечания — чаще всего нелепые, но от этого не менее смешные. Сибилла сидела рядом, положив голову ему на плечо, и иногда закрывала глаза, будто прислушивалась к чему-то, что слышала только она.

Я пила воду маленькими глотками и чувствовала, как силы понемногу возвращаются.

— А ты? — спросила Райли, когда разговор затих. — Как ты себя чувствуешь на самом деле? И не говори, что всё хорошо. Я же вижу.

Я опустила взгляд на свои руки.

— Внутри пустота, — сказала я. — Раньше я чувствовала всё — чужие эмоции, страхи, надежды. Они заполняли меня, мешались с моими, я не могла отличить, где я, а где кто-то другой. А теперь... теперь ничего. Тишина.

— Это пройдет, — сказал Элиос. — Твой дар не мог исчезнуть навсегда. Он просто... решил отдохнуть.

— Отдохнуть? — я усмехнулась. — Как мило.

— А чего ты ожидала? Ты перегрузила его на площади. Использовала Люция как марионетку. Такое не проходит

бесследно.

Я поморщилась при упоминании этого имени. Люций. Его лицо, искаженное ужасом, когда нити впились ему в виски. Его крик. Его кровь.

— Я не хотела его убивать, — тихо сказала я.

— А кто сказал, что он мёртв? — ответила Сибилла, не открывая глаз. — Возможно, он жив, лежит себе в лазарете академии и в ус не дует. Нашла, о ком переживать. Мало он нам жизни подпортил?

Я не знала, радоваться этому или жалеть, что не убедилась в его смерти.

— А Логан? — спросила я. Его имя само сорвалось с губ. Я не хотела его произносить, не сейчас, но оно вырвалось, и я не могла его забрать обратно.

Сибилла открыла глаза. Посмотрела на меня.

— Он жив, — сказала она.

— Ты уверена? — уголёк надежды, тлеющий в моём сердце, разгорелся сильнее. Плевать, если это лишь предположение — я готова поверить любому, кто скажет, что есть надежда увидеть его снова.

— Не совсем... Я что-то слышу, когда пытаюсь настроиться на мысли людей. Там мелькает имя Логана, но это всё, что я могу различить. Шум слишком сильный, я не могу сосредоточиться.

— Я тоже пыталась найти его с помощью своей сети, но нить, связывающая наши эмоции, исчезла. — Я провела ру-

кой по лицу. — Я должна его найти. Не могу просто сидеть здесь, пока он...

Где? У меня не было ни малейшего представления, где он мог находиться. В лазарете академии? Или его забрал отец? Что, если Логан потерял много крови и ему остались считанные часы? Я тряхнула головой, прогоняя навязчивые мысли.

Райли посмотрела на меня долгим взглядом.

— Кис-кис, ты едва стоишь на ногах. Пять дней без сознания — это тебе не шутки. Если ты сейчас выйдешь из убежища, ты не дойдёшь даже до конца квартала.

— Мне всё равно, Райли.

— А мне не всё равно. — Райли взяла меня за руку. — Я не отпущу тебя одну. И не потому, что не верю в тебя. А потому, что если ты упадёшь где-нибудь в городе, я не смогу тебя найти.

Я хотела возразить, но она сжала мои пальцы крепче.

— Я знаю, что ты хочешь его спасти. Но для этого нужно быть живой. И сильной. А сейчас ты не можешь похвастаться ни тем, ни другим, Кис. Ты и сама это знаешь.

Я опустила голову. Мне не хотелось признавать своё паршивое состояние, но Райли была чертовски права.

— Я состою в собрании, — продолжила Райли. — Мы обсуждаем всё, что происходит в городе, и решаем, что делать дальше. Корвин сейчас отсутствует — уехал на несколько дней, связываться с другими ячейками сопротивления. Но когда он вернётся, я попробую предложить отправить людей

на поиски Логана.

— Правда? Это будет просто шикарно! — оживился Элиос.

— А если он не согласится? — я не могла позволить себе рассчитывать на тех, кого не знала лично.

— Тогда мы что-нибудь придумаем. — Райли посмотрела на Элиоса и Сибиллу. — Все вместе.

Я кивнула. Мне хотелось почувствовать внутри себя нити, связывающие нас пятерых, но я вспомнила, чем обернулась недавняя попытка, и поморщилась.

— С моим даром что-то не так, — сказала я.

На меня уставились три пары удивленных глаз.

— Раньше я чувствовала сеть, соединяющую нас всех, — продолжила я. — Могла протянуть нить к любому, кто был рядом, и понять, что он чувствует. С Логаном эта связь была особенно сильной — моё сознание перемещалось по нити, и я могла быть внутри него, видеть его глазами, чувствовать его боль. А теперь... теперь ничего. Только пустота. И когда я пытаюсь обратиться к сети, меня выворачивает наизнанку, из носа идёт кровь, и я теряю сознание.

— Может, это пройдёт? — спросил Элиос. В его голосе не было уверенности, но была надежда — такая же хрупкая, как его кости после Агона.

— А что, если нет?

Он помолчал, обдумывая ответ.

— Я не знаю, что хуже, — сказал он наконец. — Потерять

то, что умел благодаря дару, или чувствовать себя беспомощным, полагаясь только на своё тело. Я продолжаю пользоваться даром, хотя знаю, что каждое его применение разрушает меня по чуть-чуть. Мои кости срастаются, но с каждым разом всё дольше и больше. А я продолжаю превращать кожу в камень, потому что без этого я — просто здоровый парень, который однажды не сможет защитить тех, кто ему дорог.

Я смотрела на него и не знала, что ответить. Элиос говорил о своём даре, но в его словах я слышала и себя.

Никогда бы не подумала, что привыкну к сети и что она станет частью меня. Пока она не исчезла. Теперь, когда я пыталась её нащупать, находила только пустоту и жгучую боль. Ловить отходняки после применения дара было мучительно, но это хотя бы значило, что дар был. Что я могла что-то сделать. Что я не была бесполезной.

А теперь я была никем. Просто девушкой в коричневой рубашке, которая не могла даже позвать на помощь, потому что голос застревал в горле, а нить, что когда-то связывала её с теми, кого она любила, оборвалась.

Я не заметила, как сжала кулаки. Райли положила руку мне на плечо.

— Расскажи, что случилось на площади, — попросила Сибилла. — После того как мы убежали. Мы видели только, как Корд напал на Логана. А потом ты закричала и упала. Элиос закинул тебя на плечо, я бежала рядом, но что про-

изошло — мы не знаем.

Я закрыла глаза.

— Я была в сознании Логана и видела всё его глазами. Корд его избивал, нанёс несколько ножевых ранений. А потом... — я сглотнула. — Я почувствовала, как лезвие вошло в сердце, и оно остановилось.

— Но Логан не умер, — быстро сказала Райли, переводя взгляд то на меня, то на Сибиллу. — Сибби, так ведь?

Сибилла опустила взгляд, а я продолжила:

— Я очень надеюсь, что он жив. Но пока не понимаю, как он выжил, если я чувствовала его смерть. Она была настоящей. А потом связь оборвалась, и всё время, пока я была без сознания, я видела кошмары... Видела, как Корд убивал Логана бесконечное количество раз. В каждом сне. В каждом видении.

Я открыла глаза. Они смотрели на меня — Райли, Элиос, Сибилла. На их лицах был ужас.

— Ты была в его сознании, когда Корд... — начал Элиос.

— Да.

— И ты чувствовала всё, что чувствовал он?

— Да.

— Тогда, — он помолчал, — он действительно должен был умереть. Если ты чувствовала его смерть...

— Нет! Логан жив! — глаза Сибиллы заблестели.

— Тогда где его тело? Кто его забрал? — спросила Райли.

— Корд? Ликторы? Патриции?

— Может, его отец? — предположил Элиос. — Он же сын консула.

Сибилла задумчиво провела рукой по волосам.

— Если бы его хотел спасти отец, Логан был бы в лазарете академии, и я бы смогла уловить его мысли. Но я не могу. Просто не слышу.

— Если он жив, но ты не слышишь его мысли, значит...

— Элиос не успел закончить, потому что его перебила я:

— Логана где-то прячут.

— Прячут? Но где?

Сибилла и Элиос уставились на меня, видимо надеясь, что я знаю больше, чем они. Но я не знала.

— Возможно, там, куда Сибилла не может дотянуться, — предположила я. Мысль казалась логичной, но вместе с тем нереальной, потому что я понятия не имела, права ли я и где находится такое место.

— А это возможно? Ну, глушить ваши способности, чтобы они не влияли на людей? — поинтересовалась Райли.

— Не знаю, но... — Я вспомнила о стальном ободке, который мне дал Логан, и поспешила пояснить: — Тем, кто побеждал на Агоне, давали в награду «Лавровый венок» — ободок из особого сплава, который помогал сделать последствия применения дара не такими болезненными.

— То есть его надевали сами палладины, чтобы не страдать так, как ты?

— Да, именно.

— А что насчёт защиты от ваших способностей? Она есть хотя бы у кого-нибудь?

Мы с Сибиллой и Элиосом переглянулись.

— Кажется... нет, — ответил Элиос.

— Нас не учили, как противостоять способностям других палладиев без применения своего дара, — Сибилла прикусила губу, задумавшись. — Обычно нас тренировали контролировать, но не учили справляться с последствиями.

— Кроме «Лаврового венка», который мы должны были вырвать зубами у соперника на Агоне, он делал ощущения хоть капельку терпимее. У нас ничего больше не было.

— Получается, вас тренировали применять свой дар в полную силу, а потом заставляли мучиться от расплаты? И всё? А защищаться не учили?

— Ну, у нас были тренировки по рукопашному бою, — Элиос, казалось, совсем скис от вопросов, которые задавала Райли.

— На Агонах нашей защитой был дар каждого палладия. На этом — всё, — я задумалась.

Кажется, Райли была права. Нас действительно не учили себя защищать — только контролировать способности и использовать их в полную силу. Никто не объяснял, как работает наш дар, откуда он взялся, есть ли у него предел возможностей и можно ли его заблокировать или ослабить. Нам просто говорили: «Можешь — делай. Сильнее, быстрее, безжалостнее». Как именно — оставалось додумывать самим.

Мы были как слепые котята, которые тычутся в стены и учатся на своих ошибках и травмах.

— А те, кто не выдерживал силы своего дара, становились «изъятыми». Их просто стирали, — тихо сказал Элиос.

Райли слушала, и её лицо становилось всё более напряжённым.

— Значит, вас воспитали как оружие, — тихо произнесла она, — но не дали инструкции. Вы даже не знаете, как вы устроены.

— Кажется, так и есть, — озадаченно ответила я.

— Тогда понятно, почему вы не можете найти Логана. Если они научились подавлять ваш дар, вы даже не подозреваете об этом, потому что вас никто не предупредил о такой возможности.

Между нами повисла тяжёлая, давящая тишина.

— Неужели никто из взрослых не понимал, что мы растем, что наши способности становятся сильнее и что однажды мы начнём задавать вопросы? — нарушила молчание Сибилла.

— Они понимали, — задумчиво ответила Райли. — Те, кто понимал, либо молчали, либо их заставили молчать. А те заставляли в свою очередь молчать всех нас: и простых людей, и палладиев. Если молчать не соглашались, то уходили в тень. Как Теренций.

— Ты думаешь, он может знать о наших способностях? — спросила я.

— Насколько я знаю, Теренций стоял у истоков формирования орды авгуров и работал с теми, кто изучал Аркос. Если кто и может объяснить, как устроен ваш дар — откуда он берётся, есть ли у него предел, можно ли его заблокировать, — то это он.

Я почувствовала, как внутри, там, где была пустота, заворчалось что-то похожее на надежду.

— Где его найти?

— Сначала поешь, — твёрдо сказала Райли.

— Райли...

— Я серьёзно, Кис-кис. Ты пять дней не принимала нормальную пищу. Ты едва стоишь на ногах. Теренций никуда не денется, а вот ты можешь снова отключиться прямо посреди разговора, и тогда мы точно ничего не узнаем.

Я хотела возразить, но желудок предательски заурчал, и Сибилла тихо хихикнула.

— Даже твой живот говорит, что она права, — заметила она.

Элиос усмехнулся, а я закатила глаза.

— Пойдём, — сказал он, поднимаясь. — Я тоже голодный. А когда я голодный, я злой. Мне злиться нельзя, иначе не поздоровится моим костям.

— Ты всегда голодный, Эл, но злым я тебя не видела, — парировала Сибилла, но встала следом.

— Так это потому что я себя сдерживаю, — ответил он, покосившись на неё.

— Сдерживаешь?

— Ну, рядом с тобой как-то не хочется злиться.

Сибилла фыркнула и быстро отвернулась, но я заметила, как дрогнули уголки её губ.

Райли протянула мне руку.

— Вставай, Кис. Поедим, наберешься сил, и я сама отведу тебя к Теренцию. Обещаю.

Я взяла её за руку и поднялась, сделала глубокий вдох и почувствовала запах еды — горячей, настоящей.

— Идём, — сказала я.

ГЛАВА 3. Теренций

— Ну что, готова идти?

Райли собрала тарелки, и когда мы направились к выходу, поставила их на стол у раздачи. Сибилла и Элиос остались в главном зале, продолжая увлеченно болтать о чем-то своем.

Мы направились по знакомому коридору, но вместо того, чтобы свернуть в сторону лазарета, Райли потянула меня в другую сторону — к железной двери, которую я не заметила по пути в главный зал.

Узкая каменная лестница уходила вниз. Свет от ламп едва пробивался сквозь темноту, освещая лишь несколько шагов впереди. Я осторожно спускалась, держась за стену и ощущала, как воздух становится тяжелым, холодным и влажным.

Спустившись на несколько пролетов, мы вышли в нежилое помещение, напоминавшее огромный старый склад. Меня окружили железные стеллажи с ржавыми полками, с высокого потолка свисали кабели, а на ящиках виднелись надписи, которые я не смогла разобрать.

Пройдя через весь склад мы остановились перед ещё одной дверью — на этот раз деревянной, обитой железом. Райли постучала.

— Войдите, — раздалось изнутри.

— Ну, увидимся, Кис, — Райли меня приобняла и, кив-

нув, направилась обратно. Я глубоко вдохнула и открыла дверь.

Комната оказалась тесной и захлавленной бумагами, которые валялись на столе, стульях и полу. В углу стоял старый компьютер с погасшим экраном, рядом — незнакомые приборы. В воздухе пахло пылью, старым деревом и чем-то химическим, резким.

Теренций сидел за столом и перебирал лежавшие на поверхности бумаги. Когда я вошла, он поднял голову, снял очки и предложил сесть на свободный стул. Я села и, положив руки на колени, стала нервно царапать ногтями подушечки пальцев. Теренций откинулся на спинку стула, сложил руки на груди.

— Я знаю, что вы пришли за ответами, — без предисловий сказал он. — С чего хотели бы начать?

Я пожала плечами. Слишком много вопросов роилось в голове, и я не знала, за какой ухватиться первым. Чтобы не молчать, выбрала тот, который беспокоил сильнее всего.

— Вы знаете про мой дар? И вообще — про способности палладиев? Что это такое? Откуда они взялись?

Теренций снял очки, протер линзы краем рубашки, надел обратно. Сцепил руки в замок и положил на стол, буравя меня долгим взглядом. Я заметила, что ногти у него пожелтели и испачканы краской или, возможно, каким-то реактивом. Руки выдавали в нем старость, но были крепкими — такие могли уверенно держать скальпель или работать с микросхе-

мами.

— Полагаю, в академии вас не посвящали в тонкости владения способностями? — спросил Теренций.

— Нет. Иначе бы меня здесь не было.

— И то верно.

Старик задумчиво смотрел куда-то мимо меня, погружившись в воспоминания. Я терпеливо ждала. Молчание затягивалось, но я не спешила — чувствовала, что сейчас не стоит его прерывать.

— То, что вы называете даром, — наконец сказал бывший авгур, — Это энергия.

Он произнёс это так буднично, будто объяснял, почему вода мокрая, а огонь горячий. Я ждала продолжения, но Теренций молчал, и тишина начинала давить.

— Энергия? Какая? — спросила я, не выдержав молчания.

— Та же, что питает Аркос, — пояснил Теренций. — Как кровь в венах людей, раньше эта энергия наполняла Аркос и поддерживала в нём жизнь. Он — древний источник невероятной энергии, который лишился своей силы и теперь находится в состоянии глубокого анабиоза.

— Анабиоза? — переспросила я. — То есть он... спит?

— Да. И он ждет того, кто сможет его разбудить.

Я нахмурилась. Мысль о живом, дышащем Аркосе казалась абсурдной. Я всегда представляла его безмолвным камнем — серым, неподвижным и вечным, будто памятник са-

мому себе. Таким его показывали на уроках и рисовали на плакатах, моля о пощаде в часы Благодарения.

Но потом я вспомнила третий сектор: кресло, поводка и чёрные щупальца, которые тянулись откуда-то сверху. И то, что я ощутила внутри себя: огромное и древнее, оно копалось в моей памяти, перебирало воспоминания, как библиотекарь — пыльные карточки.

Тогда я решила, что схожу с ума. Что эти ощущения — просто галлюцинации, внушаемые авгурами, которые тестировали мой мозг, сжигая лишнее и оставляя лишь нужные им воспоминания. Я цеплялась за эту мысль, потому что другая — та, что рвалась из темноты, — была страшнее.

А теперь Теренций говорит, что Аркос — живой.

— То есть, — я сглотнула, — эта штука над городом... не камень?

— Никогда им не был, — просто ответил он.

У меня внутри похолодело.

Я смотрела на него и чувствовала, как по спине ползёт холод. Аркос — живой. Я вспомнила его присутствие в третьем секторе — тяжёлое, давящее, голодное. Он копался в моей голове, перебирал страхи, высасывал тепло. И теперь Аркос... спит?

— Я правильно поняла: Аркос в анабиозе, потому что ждет того, кто его пробудит? Кого-то конкретного? Человека? — не унималась я. — Но кого?

— Того, кто вернёт ему энергию, — ответил Теренций. —

Того, кто станет его новой кровью.

Новая кровь. Паллади. И я в их числе.

Неужели тот ангар из видения не вымысел, и авгуры действительно с помощью палладиев пытаются разбудить космического монстра? Неужели именно для этого авгуры проводили тесты в академии?

Меня затошнило.

Я хотела закричать, убежать, стряхнуть с себя этот кошмар, но понимала, что все это — реальность. Поэтому просто сидела, вцепившись в край стола, и пыталась дышать. Воздух застревал в горле, и я чувствовала, как паника поднимается изнутри, а пустота, которую я носила в себе, начинает болезненно пульсировать.

Аркос живой, и он — внеземное существо. Но внезапно я поняла то, что заставило меня горько усмехнуться.

Я всегда знала, что мы во вселенной не одни.

Мама рассказывала сказки про космос. Про то, что где-то там есть другие миры и существа, отличные от людей. Папа показывал мне схемы орбит, говорил, что Вселенная слишком огромна, чтобы в ней был только один разум. Родители верили, что когда-нибудь мы обязательно встретим внеземную цивилизацию, и надеялись, что люди не станут воевать против них.

Я посмотрела на свои дрожащие руки. Неужели во мне течет кровь Аркоса, которая не по моей воле стала принадлежать мне?

Но что, если внутри бурлит не просто страх, но и сочувствие?

Глупо. Я должна злиться. Должна его ненавидеть, ведь Аркос копался во мне, требуя обнажить перед ним душу. Именно Аркос сделал меня палладием, забрал у семьи, заставил мучиться от последствий дара и чувствовать то, чего совершенно не хотелось.

Аркос годами был совсем один, в чужой для него атмосфере и без кого-то похожего рядом. Я вспомнила, как в третьем секторе он проник в меня и торопливо и жадно искал частичку тепла, которой, скорее всего, ему так не хватало.

Что, если его сородичи давно забыли о нём? Что, если они его бросили? И теперь Аркос завис над чужой планетой без энергии, сил и надежды, что кто-то за ним вернется.

Может, он не может послать сигнал, потому что слишком слаб и не знает, что его энергия — теперь в нас, палладиях? В тех, кто его боится, кто возносит ему молитвы, использует его силу и страдает от ее последствий.

Я не просила этот дар. Но и он не просил, чтобы у него его забрали. А если он нас зовёт? Если он всё это время звал на помощь, а мы не слышали? Или не хотели слышать?

Мысли всплывали на поверхность сознания откуда-то из темноты, липкие и болезненные. Я пыталась их оттолкнуть, но те отчаянно цеплялись за мой разум, не желая отпустить. Почувствовав вновь тошноту, попыталась вернуть себе контроль — сжала кулаки, и ногти впились в ладони. Но это не

помогло. Мысли продолжали лезть, как черви, сквозь трещины в защите.

— О чем вы задумались, Кассандра? — спросил Теренций.

— Аркос ведь один, — я подняла голову. — Совсем один, здесь, в чужой для него атмосфере.

Теренций смерил меня долгим взглядом.

— Вы сочувствуете ему?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Возможно, да. Это глупо?

— Нет, — Теренций покачал головой. — Это не глупо.

— Но почему я ему сочувствую? — спросила я. И сама же ответила: — Он ведь камень. А я... чувствую к нему то, что обычно чувствуют к живому человеку. Разве это не странно?

— Вовсе нет, Кассандра. — Теренций покачал головой. — Эмпатия не выбирает объект. Она просто включается, а разум в этот момент пытается объяснить, почему тебе больно за того, кто даже не является человеком. И он не находит ответ, потому что чувства не обязаны быть логичными. Они просто есть. И чем сильнее ваши чувства, тем меньше в них смысла. И тем труднее их объяснить. Вы спрашиваете, почему сочувствуете ему, а я спрошу в ответ: разве те, кто должны были вас защищать, не сделали большее?

И, не дождавшись ответа, произнес:

— Чувства не нуждаются в оправдании, Кассандра. Их невозможно объяснить, особенно ваши. Они просто есть. И

иногда это всё, что у нас остаётся.

Я замерла, обдумывая слова Теренция. Взгляд упал на руки, в которых текла энергия Аркоса. Чужая, но давно ставшая моей.

Теренций немного помолчал, дав мне время прийти в себя, и спросил:

— Почему вы не удивились тому, что Аркос — живой?

Я подняла на авгура взгляд.

— Мои родители — ученые. Точнее, были ими до Падения, — сглотнув ком, прошептала я. — Они рассказывали, что мы во Вселенной не одни, и верили, что однажды человечеству удастся установить контакт с внеземным существом. Родители надеялись, что и люди, и иная цивилизация будем сосуществовать в мире и делиться знаниями.

Я запнулась. Слова звучали по-детски, глупо. Но Теренций не засмеялся.

— И вы тоже верили, что это возможно?

— Не знаю, — честно ответила я. — По началу верила, а теперь... Теперь я сама стала той, кто установил контакт с инопланетным существом, и не уверена, что между нами возможен мир. Мне сложно во все это поверить, но при всем этом факт остается фактом.

— Это нормально, — сказал Теренций. — Когда сталкиваешься с тем, что выходит за пределы понимания, разум всегда сопротивляется. Это — защита, и ты либо принимаешь правду, либо сходишь с ума. Выбор невелик.

Я снова посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали.

— Почему Аркос передал свою энергию именно нам? — переспросила я. — Зачем?

— Аркос выбрал вас не специально, — Теренций покачал головой. — Вы — дети — просто оказались рядом. Ваша психика уязвимее и пластичнее, чем у взрослых, поэтому вы с легкостью впитали то, что взрослые отвергали и ставили под сомнение.

Он немного помолчал, и, увидев на моем лице немой вопрос, продолжил:

— Представьте, что Аркос — это печь. Огромная, раскаленная. Она излучает жар. Взрослый человек, если подойдет слишком близко, отшатнется и уйдет, зная, что за этим жаром скрывается боль. А ребёнок... ребёнок может замереть, зачарованный этим жаром. Будет стоять и смотреть, пока не коснется этого жара и не получит ожог.

— Что вы этим хотите сказать? — спросила я севшим голосом. Мысли путались, и сил понимать на первый взгляд очевидные вещи не оставалось.

— Вы впитали энергию, как губка воду, — без очевидного раздражения продолжил объяснять Теренций. — Ваше тело перестроилось, научилось проводить чужеродную энергию и трансформировать. Так и появились способности. Жаль, что вместо воды оказалась энергия, которую не должен был впитывать ни один человек.

— Что значит «не должен»?

Теренций помолчал. Потом поднялся, подошёл к стеллажу, провёл пальцами по корешкам папок.

— Вы помните Эпизод Кроноса? — спросил он, не обращившись.

— Конечно, — я вздрогнула. — Мне было пятнадцать. Я стояла на площади вместе с Райли, когда что-то просочилось через купол. Тогда у меня впервые пошла носом кровь. Мне казалось, что я умираю.

— Да. Именно в этот момент вы приняли энергию Аркоса и впитали в себя. Только энергия не могла просто так перетечь в вас — нужен был катализатор. Эпизод Кроноса стал им. Купол отключился, и город на несколько секунд оказался без внешней защиты. Без фильтров и помех. Энергия хлынула напрямую — и нашла носителей.

— То есть, если бы купол не отключился, ничего бы не случилось?

— Возможно. А, может, случилось бы, но позже.

Я задумалась.

— Эпизод Кроноса, — медленно произнесла я, словно катая на языке эти два слова. — Так это был намеренный сбой?

Теренций вернулся к столу, сел, сцепил пальцы.

— Вы хотите спросить, было ли это сделано специально, не так ли?

— Да. Вы что-то знаете об этом? — голос у меня дрогнул.

Он молчал. Я слышала, как гудит лампа над головой, как где-то далеко капает вода.

— К сожалению, нет, — наконец сказал Теренций. — Купол спроектировали так, чтобы он никогда не отключался. У него есть три независимых контура питания, резервные генераторы, аварийные системы. Чтобы он погас — пусть даже на несколько секунд — должно было случиться нечто из ряда вон выходящее. Официальная версия произошедшего — технический сбой. Но я работал с этими системами. Технический сбой там был просто невозможен.

— Значит, кто-то отключил купол намеренно, — наконец поняла я. Осознание этого факта далось с трудом, и я все еще не могла поверить в смысл сказанного.

— Если и так, мы никогда не узнаем, кто это был. Все, кто мог знать, либо мертвы, либо молчат ради сохранения своей жизни.

Я зажмурилась, прогоняя наваждение.

— Получается, Луна, которая всегда была спутником Земли, это — живое инопланетное существо?

— И да, и нет. Луна — это каменный спутник Земли, который так и остался на небосводе, за Аркосом.

ГЛАВА 4. Чужая кровь

— Погодите... Что вы имеете ввиду? — я подалась ближе, отказываясь понимать его слова. — Над нами и правда висит Луна! Разве не ей мы дали новое название? — Вы просто не хотите видеть глубже той реальности, которую вам навязали.

— О чем вы?

— Кассандра, задумывались ли вы, почему якобы сошедшая со своей орбиты Луна не упала на Землю? Почему она зависла над Ойкуменой, так и не превратив ее в пыль?

— Потому что... — я почувствовала, как мои глаза расширились от осознания.

— Верно. Изображение огромной Луны над Ойкуменой лишь проекция, созданная защитным куполом.

Я нахмурилась.

— Вы хотите сказать, настоящий Аркос... он там? За куполом?

— Сейчас он просто тень самого себя, — ответил Теренций. — Тень того существа, кем был раньше. Его тело, возможно, камень. Но то, что внутри... то, что спит в анабиозе... живое.

— Вы знаете, что это за существо?

Теренций помолчал, обдумывая мой вопрос, а потом сказал так тихо, что мне пришлось податься вперед:

— Одно могу сказать точно: Аркос — не камень. И никогда им не был. Мы просто не хотели этого видеть. Удобнее было думать, что над нами — мертвая глыба, а не живое существо, которое мы медленно убиваем, забирая его силу.

— Мы ничего не забирали, — возразила я. — И даже не просили об этом.

— Вы — нет.

— В каком смысле — мы?

— Уже не важно, — Теренций покачал головой. — Результат один. Аркос умирает, и чем сильнее становятся паллади, тем ярче чувствуют боль от применения дара. Это, своего рода, наказание за кражу силы, которая вам не принадлежит.

— Почему мы должны расплачиваться за то, что не выбрали? — я подскочила со стула, как ужаленная. Мне не нравилось, о чем говорил Теренций, ведь по его словам получалось, что я — воровка жизненной энергии инопланетного существа, хотя никогда не мечтала о такой силе.

— Кассандра, сядьте. Никто вас ни в чем не обвиняет, — попытался успокоить меня бывший авгур. — Я лишь констатирую сухие факты, потому что способности палладиев больше похожи на проклятье.

Я не села. Оперлась на спинку стула, не отрывая глаз от авгура. Теренций смотрел на меня спокойно, без малейшего раздражения.

— Так вы хотите знать, как работает ваше «проклятье»?

— спросил он. — Понять, почему Элиос ломает кости, Сибилла сходит с ума, а манипуляторы слепнут?

Я кивнула. Теренций откинулся на спинку стула, сложил руки на груди.

— Элиос, ваш друг. Он — тактиль, поэтому может превращать кожу в камень. Становиться неуязвимым для ударов, для пуль, для огня. Но каменная кожа не гибкая. Она не растягивается вместе с мышцами, не амортизирует удары. Вся энергия, которую он поглощает, проникает в кости, которые через время становятся хрупкими. Как стекло. Один сильный удар — и они трескаются.

— Знаю, — тихо сказала я. — Я чувствовала то же, что и Элиос, когда он лежал в лазарете со сломанными ребрами.

— Значит, вы понимаете, чем он платит за свою силу. Когда Элиос использует дар, его кости становятся тоньше. Да, он восстанавливается быстрее, чем обычный человек, но с каждым разом это происходит намного дольше. Боюсь, что однажды после такой травмы его кости просто не срастутся, и он умрет либо от потери крови, либо от болевого шока.

Я сжала кулаки. Подумала об Элиосе, о его улыбке, о том, как он шутит, даже когда ему больно, и у меня сжалось сердце.

— А когнитивы?

— Когнитивы слышат то, что не слышат другие. Чаще всего — это мысли. Но некоторые из них могут слышать информацию, которую передают люди по сети в виде текстовых, го-

лосовых и визуальных данных. Все это путается в голове, потому что их мозг работает на пределе, обрабатывая информацию, которую не должен обрабатывать ни один человек.

— Сибилла, — прохрипела я. — Она слышит эти данные, будто голоса в стенах или проводах.

— Именно, — кивнул Теренций. — Со временем это приводит к перегрузке, галлюцинациям, потере связи с реальностью. Она ещё держится. Но сколько продлится её «ещё» — никто не знает.

— А почему у всех по-разному? Почему Элиос — тактиль, а Сибилла когнитив? Почему не наоборот? — Вопрос сорвался с моих губ внезапно лишь потому что беспокоил меня давно.

— Хороший вопрос, — Теренций внимательно посмотрел на меня и одобрительно кивнул. — Энергия — как свет. Белый, чистый. Но когда проходит через человека, преломляется. Как через призму. Кто-то получает красный — управление своим телом, как тактилы. Кто-то — белый, управление светом, звуком или огнём, как манипуляторы. Кто-то — все цвета радуги и способности когнитивов. А кто-то — жёлтый, способность чувствовать эмоции и влиять на них. Психоники.

— И от чего зависит, какой цвет кому достанется?

— От самого человека. От его природы, психики, от того, какой канал открыт. Энергия находит путь наименьшего сопротивления.

Я задумалась. Вспомнила Элиоса — его желание защищать, быть стеной для близких людей. Сибиллу и её вечные попытки вспомнить мамин голос сквозь множество чужих голосов, переполняющих ее разум.

— А манипуляторы? — спросила я у бывшего авгура.

— Они управляют светом и огнём. Это — самый зрелищный дар. И самый опасный для них самих.

— Почему?

— Манипуляторы не просто создают свет и огонь. Они пропускают их через себя. Огонь постепенно сжигает внутренние органы. Свет проходит через глаза. Каждая вспышка — это микроожог сетчатки. Со временем ожоги накапливаются. Зрение постепенно ухудшается, и, однажды, погаснет навсегда.

— Логан... — прошептала я хриплым голосом. В груди что-то болезненно сжалось. — Он щурился от яркого света и отводил взгляд, когда я спрашивала, видит ли он меня. Он знал, что слепнет, и ничего мне не говорил.

— Многие скрывают свою боль, Кассандра, — ответил Теренций. — Боятся, что если система узнает об их слабости, тут же избавится, как от бесполезного материала. Вы наверняка и сами так поступали, скрывая от близких то, насколько сильно страдали от проклятого дара.

Я вспомнила, как скрывала от Райли головные боли и скорее ложилась спать в надежде, что так боль быстрее пройдет. Как часто врала о том, что все хорошо, но в тайне боялась,

что тетя увидит шедшую носом кровь, стараясь тщательно смывать ее с рук и раковины, замечая за собой следы.

— Вы — психоник, который чувствует чужие эмоции как свои. Верно?

Я кивнула.

— Но ваша психика не выдерживает этой нагрузки. Со временем псионики начинают путать, где чужая боль, а где своя. Где чужие желания, а где свои, и постепенно теряют себя, растворяясь в эмоциях и чувствах других людей.

— Я могу не только чувствовать, но и соединять, — я посмотрела на свои руки, вспоминая полупрозрачные золотые нити. — Отделяю каждую эмоцию, превращая в нить и сплетаю из них в сознании своеобразную сеть.

— Это редкость, — задумчиво проговорил Теренций, и я заметила, как седые брови сошлись на переносице. — Обычно психоники просто чувствуют чужие эмоции. Некоторые могут внушать — заставлять человека испытывать страх, радость или боль. Единицы способны на телекинез — двигать предметы силой мысли. Но создавать связь... это совсем другой уровень.

— Так вот как это называется... Связь.

— Именно. Вы не просто чувствуете чужие эмоции — вы можете их переплетать. Соединять нескольких человек в одну сеть. Передавать чувства от одного к другому. Усиливать их или ослаблять. По сути, вы становитесь живым передатчиком. А это, Кассандра, еще ни у кого не встречалось.

— Я не знала, что это редкость, — тихо сказала я. — Думала, все психоники так могут.

— Нет, не все, — Теренций покачал головой. — Вы создаете связи, которых не должно существовать, и платите за это тем, что теряете себя быстрее других.

— Я этого не хочу, — прошептала я. Голос дрогнул, и я почувствовала, как к горлу подступает ком. Сжав зубы, пыталась удержать его, но ком рос, давил, и мне пришлось опустить голову, закрыв лицо ладонями. — Не хочу страдать и терять себя. Не хочу, чтобы меня использовали только потому, что во мне течёт энергия, о которой я не просила. Не хочу...

Я закусила губу в попытке удержаться от дальнейших признаний. Слова звучали глухо, сбивчиво, рвано, вылетая, как пробки из перегретого котла. Вкус крови — металлический, солёный — ненадолго отрезвил, но это не помешало мыслям и отчаянию накрыть меня с головой.

Я сидела, уткнувшись лицом в ладони, и чувствовала, как внутри всё перемешалось — страх, злость, жалость к себе, отвращение к этой жалости. Я ненавидела себя за слабость, но не могла перестать чувствовать себя беспомощной и растерянной.

Теренций не торопил, дав возможность самой вариться в котле из противоречивых чувств. Я слышала его дыхание — ровное, спокойное: он молчал ждал, пока я заговорю первой.

— Не хочу ничего из всего того, что происходит со мной.

— уже уверенней повторила я, пытаюсь донести до старика свое желание в надежде, что мучения тут же прекратятся. Но голос сорвался, превратившись в шепот, полный боли и отчаяния.

— Я знаю, — произнес Теренций. — Но это не меняет того факта, что вы, паллади, носите в себе чужую энергию, которая вас разрушает.

Я подняла голову. Глаза горели, но я не плакала. Не собиралась плакать, особенно перед ним.

— Тогда зачем вы рассказываете мне всё это? — голос предательски дрогнул. — Чтобы я чувствовала себя беспомощной? Чтобы винила за то, чего не выбирала?

— Нет. Чтобы ты поняла: ваши дары — не случайность. Это — следствие. И если вы хотите выжить, вы должны научиться ими управлять. Не так, как учили в академии — подавлять, терпеть, игнорировать. А по-настоящему. Понимать, как они работают. Знать свой предел и не переступить черту.

Во мне клокотала ярость и боль вперемешку с виной и отчаянием. Челюсть свело, а боль в груди мешала свободно дышать. Я глубоко вдохнула и сморщилась, но тут же выпрямилась, стараясь не показывать свою слабость.

— Что будет, если кто-то всё же это сделает?

— Тогда он умрёт. Сойдёт с ума, ослепнет или рассыплется в пыль. Выбор невелик.

Возможно на площади в схватке с Люцием я нащупала

свой предел, и, не дав себе и своей энергии восстановиться, нырнула в сознание Логана. Я потратила на это последние крупинцы силы и поэтому не смогла вернуться обратно.

— Я больше не чувствую свою сеть, — озвучила я свои мысли. — Когда пытаюсь к ней обратиться, меня выворачивает. Я всё ещё слышу эмоциональный шум других людей, но сеть, которая помогала отделять нужные чувства от чужих... Она исчезла.

Теренций не спешил с советом, а я смотрела в пустоту и чувствовала, как внутри закипает что-то горькое, противоречивое и невыносимое. Я никогда не просила уметь чувствовать больше, чем было нужно, и слышать эмоции других. Дар отнимал друзей, забирал силы, высасывая жизнь и ломая меня по кусочкам. Из-за него меня забрали у Райли, из-за него я не могла быть нормальной и иметь жизнь обычного человека.

Я ненавидела свой дар, но без него я не смогу дотянуться до Логана. Не смогу узнать, жив ли он. Не смогу помочь Элиосу или защитить Сибиллу. Не смогу почувствовать, в порядке ли они.

Без него я — никто. Просто девчонка в коричневой форме, которая не знала, что делать, куда идти дальше, и это разрывало меня на части. Потому что единственное, что меня убивало, и было моим спасением.

Внутри всё кипело от злости. Ком подступил к горлу, и я закусила губу, чтобы не разреветься.

— Что... — я откашлялась, услышав, как хрипло звучит голос. — Что мне делать, чтобы ее вернуть? Чтобы снова чувствовать сеть?

— Для начала — успокоиться, — Теренций снова снял очки, протер линзы. — Ваш дар не исчез. Он просто затаился. Вы перегрузили, и нужно время, чтобы он восстановился. Не торопите события. Не пытайтесь использовать сеть, пока не почувствуете, что к этому готовы.

— А если я никогда не буду готова?

— Тогда, Кассандра, вы проживете долгую жизнь практически как обычный человек, — он внимательно посмотрел на меня. — И, возможно, это будет для вас лучшим исходом.

Я посмотрела на свои дрожащие руки, а потом подняла глаза на Теренция.

— Есть ещё кое-что важное, — сказала я.

— Я слушаю.

— У меня был контакт с Аркосом.

Теренций резко повернул голову и я увидела, как его брови поползли вверх. Повисло недолгое молчание.

— Что вы имеете ввиду под словом «контакт»? Когда и где это случилось?

Я сглотнула.

— В академии. Меня позвали на тесты в третий сектор, привязали к креслу. Прицепили какие-то провода к голове. А потом... я почувствовала его. Он был внутри меня. Он копался в моей памяти, и его сознание постепенно вытесня-

ло моё. Я думала, что исчезну. Но потом вспомнила мамину сказку про Луну и Каменного Кита. И послала ему этот образ.

— Сказку? — Теренций нахмурился. — Какую?

— Мама рассказывала мне её в детстве. Про Одинокую Луну, которая заблудилась в космосе, и про Каменного Кита, который нашёл её и предложил построить новый дом. Вместе.

— И Аркос откликнулся на этот образ?

— Да. Он... затих. Остановился, перестал давить на сознание. Аркос будто меня услышал.

Теренций провёл рукой по лицу. Жест был усталым, почти обреченным.

— Это нехорошо, — выдохнул он. — Аркос не должен был откликнуться. Он — источник. Инструмент. У него нет сознания, нет эмоций. Если он откликнулся на твой образ...

— Что тогда?

— Значит, он не просто инструмент. Значит, он... просыпается.

— Просыпается?

— Энергия, которую он излучает, не хаотична. Она структурирована. У неё есть ритм. И если этот ритм меняется... — он замолчал, будто подбирал слова. — Вы ведь знаете, что каждый палладий расплачивается за свой дар. Но вы... Теперь, когда Аркос вас заметил, плата может оказаться выше, чем у других.

Я молчала, переваривая услышанное. Смотрела на старика и чувствовала, как информация — тяжелая, липкая и чужая — заполняет внутренности, вытесняя пустоту, ставшую моим убежищем. Слишком много открытий за раз, и слишком быстро они заполнили мой разум.

Аркос — живой. Он спит и ждёт, когда его разбудят. Его энергия — как кровь, которая теперь течет в палладиях. Эпизод Кроноса — не случайность. Луна — проекция. Настоящий Аркос скрыт за куполом. И он далеко не каменная глыба.

Я — воровка. Я — ключ. Я — проклятье.

— Кассандра?

Голос Теренция доносился откуда-то издалека, сквозь вату. Я подняла голову — и мир качнулся. Стены поплыли, пол ушёл из-под ног, и я вцепилась в край стола, чтобы не упасть.

— Вам плохо? — он поднялся, обошел стол. — Сделайте глубокий вдох. Медленно.

— Я... — слова застревали в горле, воздух не поступал в лёгкие. — Это все... слишком много...

— Знаю, дорогая, — Теренций взял меня за плечо, усадил обратно на стул, наклонил голову вниз, к коленям. — Я перегрузил вас. Простите. Это не должно было быть одним разговором.

Я сидела, уткнувшись лбом в колени, и пыталась дышать. Вдох — выдох. Вдох — выдох. С каждым разом легче, но внутри всё равно пульсировало — не пустота, а ужас, кото-

рый я не могла облечь в слова.

— Вот, выпейте.

Я подняла голову. Теренций протягивал мне стакан с водой — мутноватой, пахнувшей травой. Я сделала глоток. Вода была тёплой, горьковатой, но она скользнула в горло, и дышать стало легче.

— Что это? — спросила я.

— Успокоительное, — сказал он. — Лёгкое. Чтобы вы не упали в обморок по дороге в свою комнату.

Я сделала ещё глоток. Потом ещё один. Отставила стакан.

— Вы сказали, что энергия разрушает нас, — тихо сказала я. — Что мы платим за дар, носителями которого быть не выбирали.

— Да. Все так, Кассандра.

— Почему я всё равно чувствую себя воровкой?

— Чувство вины — это тоже часть платы. Иногда самая тяжёлая.

Я сидела, сжимая пустой стакан, пытаюсь переварить сказанное Теренцием.

— Вы сказали, я должна научиться управлять даром. Но как?

— Не сейчас, Кассандра, — Теренций покачал головой. — Сначала вы должны принять то, что узнали. А потом, если захотите, можете вернуться. В любое время.

Теренций сказал это просто и без обиды, будто давал мне выбор, которого у меня никогда не было. Я молчала несколь-

ко минут, переваривая услышанное, а потом резко встала.

— Спасибо, — сказала я. — Мне, наверное, уже пора.

Теренций кивнул.

— Кассандра, — окликнул он, когда я уже взялась за ручку двери.

Я обернулась.

— Вы спросили, зачем я вам всё это рассказал. Я ответил: чтобы вы знали, как работает ваш дар. Но есть ещё одна причина.

— Какая?

— Вы — не просто палладий. Вы — тот, кто установил контакт с Аркосом и остался в сознании. Это делает вас не только уникальной. Это делает вас надеждой.

— Надеждой на что?

— На то, что когда он проснётся, кто-то сможет с ним говорить. И, возможно, сможет договориться.

— Я не умею договариваться с каменными глыбами, — сказала я, не представляя, о чем можно договориться с чудовищем.

— Он не каменный, — ответил Теренций. — Вы сами это чувствовали.

Я кивнула. Но, прежде чем развернуться и уйти, хотела выяснить кое-что еще.

— Теренций?

— Да?

— Вы сказали, что энергия Аркоса — как кровь. А чу-

жая кровь может вернуться к тому, кому принадлежала изначально?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — усталость? Или, может, предостережение?

— Возможно, — сказал он наконец. — Но об этом не сейчас. Идите, Кассандра. Вам правда нужно отдохнуть.

ГЛАВА 5. Его глазами

Я вышла из комнаты Теренция и на несколько секунд при-слонилась спиной к холодной железной полке. Голова всё ещё гудела, а внутри пульсировали мысли.

Аркос — живое инопланетное существо, спящее над куполом. Его энергия течет по венам палладиев. Луна над городом — фальшивка, скрывающая Аркос. Настоящая Луна все еще на небосводе. Но как тогда выглядит небесное тело, если от нас решили его скрыть за знакомым изображением Луны?

Я выпрямилась и пошла к лестнице. Нужно вернуться в лазарет, лечь, закрыть глаза и, наконец, всё это переварить. Но ступени бесконечно тянулись вверх, а сознание поплыло. Слишком много информации, слишком много правды.

Выйдя в коридор наверху, остановилась в проеме, потому что забыла спросить о главном: может ли кто-то глушить способности палладиев?

Я вспомнила, как не могла нащупать сеть. Как пустота внутри отзывалась болью, когда я пыталась до нее дотянуться. Тогда я подумала, что это из-за перегрузки на площади. А если нет? Что, если кто-то специально блокирует мой дар?

Тут же развернулась, чтобы вернуться к Теренцию, как вдруг голова взорвалась резкой пульсацией. Мир качнулся, а

вместе с ним поплыли стены. Я вцепилась в перила, чтобы не упасть. Мысли рассыпались, как битое стекло, и я не могла собрать их воедино.

Слишком больно. Слишком тяжело.

Прислонилась к стене, сжимая холодный металл, и поняла, что не смогу спуститься обратно. Не сейчас. Не в таком состоянии.

— Позже, — прошептала я себе под нос. — Спрошу позже.

Выпрямилась, сделала несколько шагов — и провалилась в пустоту.

В этот раз сознание перевернулось с ног на голову. Сначала была только тьма, а через мгновение пришла боль. Она пульсировала под левым ребром, отдавалась в спине, запястьях и глазах. Я попыталась открыть глаза, и когда это удалось, поняла, что больше не в убежище.

Я смотрела чужими глазами.

Левый был затянута белой пеленой, мутной, как замерзшее стекло. Правый видел лучше, но предметы расплывались. Я моргнула, картинка стала четче, но лишь на мгновение, а затем снова покрылась рябью.

Тело было тяжелым и чужим, а движения что-то сковывало. Я ощущала холод металла на запястьях и жёсткую простыню под спиной. Это тело никак не реагировало на мои попытки пошевелиться, потому что я была внутри, как сторонний наблюдатель.

Логан.

Я узнала его дыхание — тяжелое, со свистом, каждый вдох отдавался в боку тупой, ноющей болью. Узнала его пульс — частый, неровный, как у зверя в клетке. Я была внутри него, и эта боль снова стала моей.

Логан жив!

Мне казалось, что с моих губ сорвался стон облегчения. Но где он находился? Что происходит?

Я попыталась позвать Логана, дотянуться через связующую нить, но та была слабой, почти невидимой, и я не могла передать через неё ни слова, ни свои чувства. Только наблюдать за происходящим и ощущать то же, что и он.

Логан зажмурился, открыл глаза — и я увидела перед собой стерильное помещение с белым высоким потолком и мерцающими лампами. Воздух пах лекарствами, озоном и чем-то приторно-сладким. Я помнила этот запах по тестам в третьем секторе академии. Тогда я думала, что это анестезия. Теперь я знала: так пахнет место, где людей превращают в инструменты.

Рядом с кроватью стояло кресло. На спинке висел мятый плед — кто-то недавно встал, сбросив его с плеч. Женщина? Я не видела её, но какой-то часть своей души чувствовала присутствие. По спине пробежали мурашки.

Логан лежал на узкой кровати с металлическими бортиками и чувствовал, как холод пробирается через тонкую простыню. Спина ныла от долгого лежания, а рана под сердцем

пульсировала болью.

Внезапно открылась дверь, и в комнату, бесшумно ступая по плитке, вошёл мужчина — я заметила тень, скользящую по стене. Сердце пропустило удар, когда я узнала походку — уверенную, ленивую, будто мужчина шёл не по больничной палате, а по арене, где зрители аплодируют каждому его шагу.

Но Логан узнал его раньше. Его тело отреагировало мгновенно — рывок вперёд, попытка вскочить и вцепиться в горло. Ремни удержали его, впившись в запястья и ободрав кожу до крови. Он рухнул обратно на кровать, застонав от боли, которая прострелила левый бок и скрутила внутренности.

Корд.

— Тихо, тихо, — его рот исказился в презрительной усмешке. — Я тоже рад тебя видеть, Авис. Но не стоит бросаться в объятия, ведь ты ещё не окреп. Не стоит тратить на это силы.

— Развяжи меня, — хрипло прошипел Логан. — Сейчас же развяжи, или я убью тебя, Корд. Клянусь.

Корд усмехнулся, его рот исказился в презрительной усмешке.

— Убьёшь? — он склонил голову, изучая Логана. — Не смейся меня! Твои глаза почти не видят, а дар заблокирован. Ты, слепой, прикованный к кровати, ещё смеешь мне угрожать? Смелый парень, признаю.

Корд неторопливо подошёл к креслу, сел, закинув ногу на

ногу. Его взгляд оставался ленивым, но в нём читалось любопытство. Он играл с ножом-бабочкой, перебирая холодный металл пальцами.

— Знаешь, Авис, что самое интересно? — сказал он, продолжая свою игру. — Я намеренно промахнулся, хотя мог легко проткнуть твое никчемное сердце. Но не стал. Подумал: зачем убивать, если твою жизнь можно использовать.

Логан молчал. Я чувствовала, как его дыхание становится тяжелее, а внутри закипает ненависть.

— Я принес тебя к отцу, — продолжил Корд. — Консул рассыпался передо мной в благодарностях, жал мне руку. Ты даже не представляешь, как он был тронут тем, что я, заботливый куратор, спас его сына от смерти.

— Он был бы рад, если бы я умер, — прохрипел Логан.

— Рад? — Корд приподнял бровь. — Возможно, ты прав. Но теперь ты нужен ему живым. Ты — ценный экземпляр, Авис. Скоро ты займешь место своей матери.

Логан застыл, перестав дышать. Всего на секунду, но я почувствовала, как воздух застрял в груди, так и не найдя выхода.

— Ты смеешься надо мной? Моя мама умерла, — наконец бросил он, шумно вдохнув.

— Ах, да. Ты же не знаешь, — Корд усмехнулся. — Она жива. Точнее, то, что от неё осталось. Мы подключили её к системе несколько лет назад. Теперь она — просто овощ. Лежит в кресле, с трубками в венах и даже не помнит твоё

имя.

Логан рванулся с такой силой, что подпрыгнула койка. Ремни впились в запястья, я почувствовала, как сползла кожа и кровь потекла по пальцам. Он бился в этих ремнях, как зверь в капкане, и я чувствовала его ярость с примесью ненависти.

— Ты лжешь, — прорычал он. — Она умерла. Я был на её похоронах.

— Ты был на похоронах пустого гроба, Авис, — холодно ответил Корд, не шелохнувшись. — Твой отец инсценировал ее смерть, чтобы ты не задавал лишних вопросов. Но ты же у нас умный, мог и сам догадаться. Или нет?

— Зачем ты это делаешь? — Логан обмяк, голос стал тихим, но спокойствие было обманчивым, как затишье перед бурей. — Почему ты меня ненавидишь?

— Ненавижу? — Корд наклонил голову, размышляя над его вопросом. — Я тебя не ненавижу, Авис. Ты для меня никто. Пустое место. Инструмент. Как и твоя мать.

— Где она? — прорычал Логан.

— Неужели ты не догадываешься? — усмехнулся Флавий. — В том же месте, где скоро окажешься ты. Внизу. В ангаре. Среди таких же, как она.

Логан замер, все еще не осознавая смысла сказанных слов, но через мгновенье дернулся с новой силой.

— Что вы с ней сделали? — взвыл он. — Как вы могли?

— Могли, Авис, — Корд поднялся, прошёлся по комнате

бесшумно, мягко ступая по полу и держа руки за спиной. — Потому что никто нас не смог остановить. И впредь не остановит — ни ты, ни твоя девчонка. Даже твой отец мечтает принести тебя в жертву ради эксперимента.

— Ты лжешь.

— Лгу? Нет. Забавно, что именно ты — его сын, — Корд повернулся, и я заметила на лице усмешку. — Ты думаешь, когда я сообщил ему о твоей ране, он спросил, выживешь ли ты? Нет. Он спросил, сможешь ли ты заменить Изабель. Понимаешь? Для него ты не сын. Ты — запасной вариант.

— Заткнись, — Logan дернул головой, пытаясь отмахнуться от слов Корда, но они впились в сознание, как острые когти.

— Я притащил тебя сюда, надеясь, что он велит тебя убить. Но он приказал спасти. Ты ему нужен живым. А мне... — Флавий ухмыльнулся, в его глазах мелькнула тень. — Мне приказали сделать всё, чтобы ты выжил. Но никто не сказал, что ты должен быть счастлив.

Logan зарычал. Низкий гортанный звук вырвался из груди, заполняя собой пространство.

— Где она? — требовательно спросил Logan. — Где моя мать?

— Она внизу, ждет тебя, — Корд улыбнулся. — Но не стоит торопиться. Еще успеешь. Вторая фаза только начинается.

Флавий подошёл к кровати, склонился над Loganом. Тот

рванулся, ремни снова впились в запястья, боль полоснула по боку. Корд не дрогнул. Его взгляд был пустым, без тени эмоций.

— Ты слаб, Авис, — сказал он с наигранной грустью. — Всегда был слабым. Твоя девчонка бросила тебя, отец мечтает использовать для своей выгоды, а мать не помнит, кто тебя зовут. Ты никому не нужен. И никогда не был нужен никому из них.

Логан дернулся и сжал кулаки от бессильной ярости. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого вырвался сдавленный хрип.

— Нет! Логан! Логан, я здесь...

Острая боль пронзила грудь, и сознание погрузилось во тьму.

ГЛАВА 6. Клетка

Логан

Я очнулся от тошноты.

Не от запахов или боли — к ним я привык. Скорее от слабости, скрутившей внутренности и заставившей сжаться в комок, несмотря на слабость и ломоту в теле.

Поборов приступ, я понял, что лежу на чем-то жестком, укрытый тонким одеялом, и ощутил запах лекарств, знакомый по лазарету академии. До меня донесся слабый, разочарованный, и я не сразу узнал собственный голос.

«Я снова в академии?» — подумал я, не решаясь открыть глаза. Вместо этого я попытался вспомнить, что произошло.

С трудом подняв руку, я коснулся пульсирующего бока. Бунт на площади, и Корд, который пытался меня убить. На месте ножевого ранения оказалась сухая, чистая повязка. Значит, прошло не меньше дня.

Набрался смелости, открыл глаза — и ничего не увидел.

Собравшись с духом, я открыл глаза, но увидел лишь пустоту. Левый глаз был затянут белой пеленой, а правый различал только тени и свет, заполнивший комнату. Я опустил руку и уставился в потолок. Мысли ворочались медленно и тяжело, как камни.

Я не испытывал ни страха, ни гнева, ни отчаяния. Толь-

ко глухую, давящую апатию, будто меня выключили, оставив тело, а я наблюдал за ним со стороны.

Это было чертовски привычно.

Четыре года я жил так, отгородившись от всего, что могло причинить боль. Я стал частью системы и своего отца. И только один человек заставил это стекло треснуть.

Кассандра.

Я не знал, жива ли она, выбралась ли с площади. Попытался нащупать нить — ту, что связывала нас, — но ощущал лишь пустоту.

Рядом кто-то шевельнулся.

— Ты очнулся.

Голос был женским, тихим, чуть испуганным. Я повернул голову, и мышцы отозвались болью. Зажмурился, снова открыл. Правым глазом разглядел силуэт. Девушка. Светлое пятно волос, худые плечи. Она сидела на кресле рядом с кроватью, придвинувшись близко — слишком близко для незнакомки, и держала мою ладонь.

Лица я не видел. Только овал, тени вместо глаз и смутный изгиб губ.

— Кто ты? — спросил я хрипло.

— Люси, — она придвинулась ближе. — Ты меня не помнишь?

Я всмотрелся в ее размытый силуэт. Из памяти всплыла картинка: школьный двор, смех, мальчишки дразнят девчонку с длинными пшеничными косичками. Я заступился, по-

тому что не мог видеть, как обижают слабого, а позже был награжден робким, неловким первым поцелуем, пахнущим клубникой.

— Люси? — я нахмурился, вспоминая. — Кажется, мы учились в одной школе.

— Да, — ее голос стал мягче, теплее. — Я думала, ты меня не узнаешь.

— Тебя трудно забыть, — сказал я.

— Даже несмотря на запрет вспоминать прошлое? — шепотом поинтересовалась Люси.

— Глупые правила только подогревают желание помнить, — прохрипел я, чувствуя на своих губах слабую улыбку. То время — до академии, Падения и статуса куратора — было единственным, когда я был просто Логаном, а не сыном Консула. И Люси была частью этого прошлого.

Я моргнул, прогоняя наваждение. Того прошлого больше нет, как и мира, в котором я был когда-то счастлив.

— Люси, ты знаешь, где мы?

Девушка ответила не сразу: выпустила мою ладонь из своих рук и тут же сунула в нее стакан. Только сейчас я почувствовал жажду и стал пить медленно, потому что горло саднило от холодной воды.

— Где я? — я повторил вопрос, протягивая пустой стакан.

Люси отставила его и опустила взгляд.

— Мы в Центре глубинных исследований, — сказала она тихо, словно боялась, что стены могут услышать. — Корд

принёс тебя сюда после площади и велел спасти твою жизнь.

— Спасти? — усмехнулся я. — Он пытался меня убить.

Люси вздрогнула и отвернулась, но снова взяла мою ладонь в свою.

— Корд сказал, что ты прикрыл его от мятежников, — прошептала она.

— И ты поверила?

Девушка молчала, но я почувствовал, как ее пальцы сжались сильнее.

— А что здесь делаешь ты?

— Работаю ассистентом, — быстро ответила Люси, будто была рада, что я сменил тему. — Помогаю, выполняю мелкие поручения.

— Мелкие поручения? — хрипло рассмеялся я. — Забавно, что и меня записали в эту категорию.

— Нет! — она замотала головой. — Я сама вызвалась ухаживать за тобой. Когда узнала, что ты здесь... не могла не прийти.

— Почему?

— Потому что... — она запнулась. — Потому что я помню о нас.

Я молчал, чувствуя, как внутри зашевелилось воспоминание: когда-то давно умел чувствовать, и если бы не Касандра, забыл бы навсегда, что это такое.

— Люси... — выдохнул я с тяжестью в груди. — Мы были детьми, и это было давно.

— Для меня — нет, — тихо ответила Люси. Голос девушки дрогнул, словно она пыталась бороться с накотившими слезами. — Я помню все, что между нами было. Как ты за меня заступился, как сидели на крыше и смотрели на облака. Как ты сказал, что я красивая, стирая с моих щек слезы. Я помню, Логан.

Я молчал, потому что тоже все это помнил.

Солнце, лето, запах травы на школьном дворе. Она плакала, потому что девчонки отрезали ей косички, и теперь ее волосы были до плеч. Тогда я сказал, что она красивая даже с короткими волосами. Мне хотелось ее утешить, но слова были искренними.

— Ты исчез, Логан, — Люси крепче сжала мою руку. — Я знала, что отец забрал тебя из школы, и не смогла найти, куда. Я так скучала...

Я слышал её тихий, дрожащий голос и чувствовал, как прохладные пальцы сжимают мою ладонь. Мне так хотелось разделить её боль, но я не мог.

Потому что в моем сердце была лишь одна девушка.
Кассандра.

Я вспомнил, как она сидела у койки в лазарете, сжимала мою руку и грела своим теплом. Как после тестов в третьем секторе Касс пришла ко мне, схватилась за край рубашки и смотрела с такой мольбой во взгляде, что сердце мгновенно растаяло.

«Я видела их, Логан, — шептала она. — Ряды кресел. Пал-

ладии. Они прикованы, из голов тянутся чёрные провода. Они даже не кричат. Они будто... пустые».

Тогда я не знал, что сказать. Думал, это просто сон Сибиллы, кошмар, который не стоит внимания. Но что, если видение было правдой? Что, если палладии здесь, в Центре? Если Кассандра была права?

А я ничего не смог сделать. Снова.

— Мне нужно идти, — сказал я и попытался сесть.

Люси мягко, но настойчиво толкнула меня обратно.

— Нет, Логан... Ты не в том состоянии.

— Ты знаешь, что мой отец работает здесь? — спросил я, чувствуя раздражение. — Кассиан Авис, он управляет Центром.

Люси опустила голову.

— Знаю, — тихо ответила она. — Я работаю на него.

— И ты в курсе, что здесь происходит? — голос дрогнул.

— Знаешь про ангары? Про ряды кресел, к которым приковывают палладиев?

— Я... — она замялась. — Я не знаю всех деталей. Я лишь ассистент.

— Ассистент, — повторил я с горечью. В этом слове было столько же беспомощности, сколько в моём положении. Я откинулся на подушку.

— Проект «Арес», — сказал я, и она вздрогнула. — Ты слышала о нём?

— Это не моё дело, — быстро ответила она. — Понятия

не имею, что это.

— Не твое дело? — я посмотрел на неё, чувствуя как внутри закипает ярость. — Ты знаешь, где меня держат?

— В крыле для пациентов, — едва слышно прошептала Люси. — Это далеко от... остальных отсеков.

— От ангаров?

Девушка ничего не ответила, и ее молчание было громче любых слов.

Я снова попытался подняться. Тело не слушалось, мышцы дрожали, бок пронзила острая боль, но я перекатился на край койки и нащупал ногами холодный пол.

— Что ты делаешь? — голос Люси сорвался на крик.

— Ухожу, — сказал я, вставая на ноги.

Мир качнулся. Правый глаз уловил размытые очертания двери в конце комнаты. Собрав все силы, я сделал несколько шагов вперёд.

— Логан, стой! Ты не сможешь...

Люси замолчала, но я слышал ее прерывистое дыхание и тихие шаги. Я сделал ещё шаг и наткнулся на холодную стену. Пошёл вдоль неё, направляясь к выходу, и вдруг почувствовал тепло на спине. Руки Люси обхватили меня сзади, крепко и отчаянно. Ее ладони легли на грудь, пальцы вцепились в ткань рубашки.

Я замер.

Люси прижалась щекой к моей спине, и я почувствовал, как она дрожит.

— Пожалуйста, — прошептала девушка. — Не уходи.

— Меня ждут, — прорычал я глухо.

— Кто? Кто тебя ждёт? — не унималась она.

Я промолчал.

— Логан, — она сжала пальцы сильнее. — Если ты уйдёшь... меня накажут. Ты понимаешь? Корд приставил меня к тебе, и если тебя здесь не будет...

Я закрыл глаза.

Перед моим внутренним взором всплыло лицо Кассандры. Я вспомнил, как она смотрела на меня в лазарете академии, когда я обещал, что всё будет хорошо. Обещание оказалось ложью, когда отец приказал выпороть меня, а она сидела в первом ряду, не сводя с меня глаз.

Я знал, каково это — когда тебя наказывают за то, что кто-то не смог усидеть на месте.

— Логан, — Люси всхлипнула. — Пожалуйста. Ради меня. Остайся.

Я медленно разжал пальцы и повернулся. Её силуэт был так близко, что я чувствовал её дыхание на груди.

— Спасибо, — тихо всхлипнула девушка, прижавшись ко мне на несколько секунд. — Ты совсем не изменился.

— Ты меня не знаешь, — ответил я, осторожно убирая её руки и делая шаг назад.

— У нас будет время узнать друг друга, — прошептала она едва слышно, словно надеясь, что я её не услышу. Взяла меня за руку и повела обратно к койке.

И я ей это позволил.

***

Не знаю, сколько времени прошло с моей неудачной попытке сбежать. Люси несколько раз приносила мне еду, меняла повязки и много говорила. Она расспрашивала о моей жизни после школы, о том, чем я занимался, и о наших общих знакомых. Я ждал, когда утихнет тревога, снедающая изнутри, и молчал. Не потому, что не хотел отвечать, а потому что мысли были заняты лишь тем, как выбраться отсюда. Я пытался убедить себя ничего не предпринимать, но вопросы о Кассандре не давали покоя.

Люси вздыхала, не добившись от меня ответа, и замолкала несколько минут. Но потом снова начинала говорить — о погоде, об изменениях в городе после бунта, о новых порядках, установленных патрициями. Мне было всё равно. Она не понимала моего молчания. Я видел, как Люси хмурится и нервно теревит край одеяла, но объяснить свое поведение не мог — не хотел.

Тревога нарастала. Глухая, давящая, она скручивала внутренности ту же, чем боль в боку. Каждый час, проведённый здесь, в белой стерильной тишине, был украден у Кассандры. У нас обоих.

— Люси, — позвал я девушку, когда она принесла завтрак, — ты знаешь, как здесь всё устроено?

Она замерла. Тарелка задрожала в её руках.

— В каком смысле? Логан...

— Помоги мне выбраться.

Я понимал, что доверяю ей на свой страх и риск. Люси работала на моего отца, но я делал ставку на наше прошлое. У меня не было выбора — Кассандра не может ждать. Если она кинется искать меня, то обязательно во что-нибудь влипнет. Не то чтобы я не верил в неё, просто хотел уберечь от лишних проблем. Я с надеждой посмотрел на Люси:

— Помоги уйти отсюда.

— Я не могу, — сказала она, ставя тарелку на тумбочку и отворачиваясь. — Если Корд узнает...

— Не узнает. Если что, скажу, что сбежал сам.

Люси покачала головой. Её плечи напряглись.

— Ты не понимаешь, — она повернулась ко мне. Я не видел её лица, но почувствовал мольбу в её взгляде. — У него везде глаза. Если я помогу тебе, меня... — она не договорила.

— Что? Убьют?

Девушка промолчала.

— Люси, — я приподнялся на локтях, и бок отозвался болью. — Я не могу здесь оставаться. Ты слышишь? Не могу. Меня ждут.

— Кто? — спросила Люси, повернулась. — Девушка?

Я не ответил.

— Ты её любишь? — спросила она тихо.

— Это неважно, — ответил я. — Важно то, что я должен

вернуться.

Люси молчала. Я слышал её дыхание — прерывистое, испуганное. Она выдохнула, и ее плечи поникли:

— Запасной выход в конце коридора. Там есть дверь, ведущая на лестницу. Если спустишься на два пролёта, будешь на улице.

— Сигнализация? — спросил я.

— Код — 1907. Патруль проходит раз в час. У тебя будет десять минут.

— Так ты правда сможешь?

Люси долго смотрела на меня — я не видел её глаз, но чувствовал на себе тяжёлый взгляд.

— Да, — сказала она наконец. — Помогу.

***

План был безумным. За десять минут до полуночи Люси должна отключить сигнализацию на запасном выходе, а я — добраться туда до возвращения лекторов.

— Патруль проходит раз в час, — прошептала она, стоя у двери. — У тебя будет десять минут.

— Десяти хватит, — ответил я.

— Я отключу сигнализацию, когда ты подойдёшь. Код сработает, если ты подойдёшь к двери. До этого не трогай.

— Понял.

Люси подошла к кровати и взяла меня за руку.

— Логан...

— Что?

— Будь осторожен.

Я кивнул. Люси отпустила мою руку и вышла торопливым шагом, оставив меня в одиночестве.

Я ждал, считая удары сердца, прислушивался к шагам в коридоре. Тишина. Потом — далёкий гул вентиляции, — и снова тишина.

Мне показалось, что прошло полчаса, и я встал. Ноги дрожали, бок ныл, повязка промокла. Я сделал несколько шагов, добрался до двери и свободы.

Выглянув в коридор, я увидел, что он пуст. Двинулся вперёд, радуясь плохому освещению. Лампы мигали, отбрасывая длинные тени. Я почти ничего не видел: правый глаз различал размытые пятна, левый застилала белая пелена.

Считая шаги, я сбился на тринадцатом и начал заново, чтобы не пропустить поворот.

На нужном углу я остановился и прислушался. Где-то вдалеке слышались голоса. Я не мог разобрать слов, но вжался в стену и замер.

Когда голоса стихли, я двинулся дальше. Пальцы скользили по холодной стене, ноги нащупывали пол — ровный, без единой трещины. Я шел вдоль стены, пока пальцы не наткнулись на проем. Лестница.

Ступени уходили вверх — крутые, железные, с редкими пролетами. Я поднимался медленно, держась за перила, считал шаги, чтобы не сбиться. Тишина давила на уши. Только

моё дыхание — хриплое, частое — и глухой стук ботинок по металлу. Поднялся, прошёл ещё несколько шагов и увидел темное пятно на серой стене — запасной выход.

Я ускорил шаг, почти бежал, спотыкаясь и цепляясь за стену. Подойдя к двери, я набрал код. Замок щёлкнул, и я потянул ручку.

Дверь открылась, и свежий воздух ударил в лицо — холодный, влажный, пахнущий дождём и свободой. Я сделал шаг вперёд.

И услышал шаги за спиной.

— Авис.

Это был Корд.

Я развернулся, прищурился. С ним были двое ликторов.

— Ты глупый мальчишка, — голос Корда звучал спокойно. — Неужели ты думал, что я тебя отпущу?

Я сжал кулаки. Попытался нащупать дар, чтобы их ослепить, но ощутил только резкую боль в глазах.

— Кто тебе помог? — спросил Корд, приближаясь. — Люси?

Я молчал.

— Она хорошо поработала, — усмехнулся он. — Привела тебя прямо ко мне. Сказала, что так будет легче тебя поймать.

У меня всё оборвалось внутри.

— Что?

— Ты думал, она на твоей стороне? — Корд остановился

в двух шагах. Его дыхание было влажным и тяжелым. — Она работает на меня. Всегда работала.

— Где она? — мой голос дрогнул.

— Здесь.

Из-за его спины появилась Люси. Она стояла, опустив голову, и я не видел её лица: девушка прятала его, как будто боялась, что я пойму — ей действительно жаль. Или наоборот — что она ни капли не сожалеет о своем предательстве.

— Прости, — прошептала она. — У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда, — сказал я.

— Не у всех, — тихо ответила она, всхлипнув.

— Хватит нежностей. Уведите его. — Корд резко хлопнул в ладоши, давая знак ликторам. Когда меня тащили мимо, бросил через плечо: — Запомни этот день, Авис. Надеюсь, урок будет усвоен: никому нельзя доверять, даже тем, кто держит тебя за руку.

ГЛАВА 7. Старый знакомый

Когда я очнулась, передо мной был серый потолок с мигающей лампочкой. Лазарет. Я лежала на своей койке, не помня, как сюда попала.

Голова раскалывалась, в ушах звенело. Но где-то внутри, там, где недавно царило отчаяние, затеплилась надежда.

Он жив.

И тонкая нить, связывавшая нас, всё ещё была между нами. Я не могла её нащупать, не могла передать через неё свои чувства. Но она была.

Закрыв глаза, я попыталась удержать тепло и ритм родного сердца, которое билось в такт моему, но меня неожиданно прервали.

— Наконец ты очнулась.

Я повернула голову и увидела парня, сидящего на стуле рядом с моей койкой. Первое, что бросилось в глаза, — его светлые волосы, спадающие на лоб мелкими завитками и прикрывающие кончики ушей. Он то и дело откидывал их назад. Его ярко-синие, почти прозрачные глаза смотрели на меня с любопытством и, как мне показалось, с легким беспокойством.

— Кто ты? — прохрипела я.

— Макс, — улыбнулся он. — Я видел, как ты упала в ко-

ридоре. Помнишь?

— Не совсем...

— Ты меня не заметила, но я был рядом и видел, как ты вышла от Теренция. Ты почти сразу потеряла сознание. Я испугался, что ты ударишься головой о ступени, и подхватил тебя. Райли... Так зовут твою тётю? — я кивнула, но парень продолжил, не дожидаясь ответа. — Она сказала, что тебе нужен отдых, но я решил дождаться, пока ты очнёшься.

Он говорил быстро, чуть сбивчиво, будто боялся, что я исчезну, если он замолчит. Я смотрела на него, пытаюсь вызвать в памяти его лицо, черты которого мне явно были знакомы. То, как он улыбался, не давало покоя.

— Мы встречались раньше? — спросила я.

Макс засмеялся тихим, почти детским смехом, который никак не вязался с его возрастом — на вид парень был чуть старше меня.

— Конечно, ты не помнишь. — Его улыбка на мгновение дрогнула. — Бункер. Девять лет назад. Ты отдала мне свой батончик.

Я замерла.

Перед глазами всплыла картина: маленький мальчик, женщина, сжимающая паёк. Батончик, который я отдала, не в силах смотреть на голодного ребенка и взрослого мужчину, который их притеснял.

— Это был ты? Ох, — выдохнула я потрясенно.

— Да, — кивнул Макс. Его лицо озарила широкая улыбка.

— Я искал тебя всё это время. Потом узнал, что ты где-то здесь. Когда увидел, как ты упала... сразу понял. Это ты.

Макс говорил, и его глаза светились — не золотом, как у палладиев, а радостью. Такой чистой и искренней, почти детской, что это сбивало с толку. Я не привыкла к таким эмоциям от незнакомых людей, особенно в мой адрес. В академии никто не смотрел на меня так — как на долгожданное чудо.

— Спасибо... что принес сюда, — пролепетала я.

— Не за что, — он махнул рукой. — Я рад, что оказался рядом. Теперь я всегда буду рядом. Если, конечно, ты не против.

Он произнес это так легко, словно речь шла о помощи донести сумку. Я не знала, что ответить, и отвела взгляд, уставившись на свои руки, лежащие поверх одеяла. Пальцы слегка дрожали — то ли от слабости, то ли от неловкости, которая скручивала внутренности тугим узлом. От чего то стало стыдно, что не могла ответить на его искреннюю радость той же монетой. Макс смотрел на меня так, будто я была чем-то важным, а я лежала, сжимая край одеяла, и чувствовала себя самозванкой.

— Я... — начала я в попытке сказать хоть что-то, но в горле пересохло. Я подняла глаза, встретила с его сияющим взглядом — и снова отвела, потому что не смогла вынести его света в мою сторону.

Не сейчас, когда Логан заперт неизвестно где, прикован к койке, почти слепой и обессиленный, а я здесь, на свобо-

де, ничего не делаю, чтобы помочь ему выбраться. Не сейчас, когда внутри пульсирует правда об Аркосе и моем даре. Когда все, о чем могу думать — что Аркос может проснуться и забрать свою энергию себе. И не тогда, когда на моих руках могла быть смерть человека. Я помнила, как хотела, чтобы Люций просто исчез, и не знала, что страшнее — мое желание или то, что он действительно мог быть мертв. Изза меня.

А Макс смотрел на меня так, будто я была чудом, способным спасти и защитить мир.

Но я не чудо. И никогда им не была.

Я просто девушка, которая не спасла того, кого любила. Которая не знает, как вернуть свой дар, и боится, что Аркос проснется и заберет ее жизнь, а она даже не сможет попроситься.

Я была никем.

— Прости, если напугал, — парень взъерошил волосы. — Просто я так рад, что нашел тебя, вот и не удержался. Надеюсь, что смогу стать тебе другом.

— Я не против, — наконец выдавила я, но не потому что была уверена в своем решении, а потому что не смогла отказать его сияющим глазам.

— Я рад, — снова повторил Макс с улыбкой на лице. — Спасибо. Ты не пожалеешь.

Я присмотрелась к парню внимательнее. Он был не таким массивным, как Элиос, а скорее жилистым. Под простой се-

рой рубашкой проступали сухие, крепкие мышцы, а руки с четкими венами и длинными пальцами выглядели сильными.

Внезапно меня пронзило воспоминание. Я уже видела эти глаза, эту линию скул, этот взгляд, который словно сканирует собеседника, не отводя глаз.

Люций.

Сходство было не явным, но в каждой черте и жесте я узнавала что-то общее. Люций смотрел на меня холодно, оценивающе, как на добычу. А в глазах этого Макса читалось беспокойство и желание понравиться. От этого контраста внутри всё сжималось, потому что я не могла понять, чей взгляд пугает меня больше.

Меня передёрнуло.

Парень это заметил — его брови дрогнули, и он опустил взгляд, будто проверяя, не испачкана ли его рубашка.

— Что-то не так? — тихо спросил он.

— Нет, — ответила я слишком быстро. — Всё в порядке.

Но это была ложь. И Макс, кажется, понял. Я отвела взгляд, чувствуя, как внутри поднимается отвращение, но тут же одернула себя. Парень не виноват, что похож на того, кто пытался меня убить. И тем более не виноват, что его лицо напоминает мне о том, кого я отчаянно хочу забыть.

— Как ты? — спросил Макс, наклоняясь ближе. — Бледная очень. Может, воды принести?

— Нет, спасибо. Всё хорошо.

— Не похоже, — он покачал головой. — Не буду настаивать, но если что — я рядом.

Не нужно обладать даром эмпатии, чтобы понять: Макс говорил искренне. Ему действительно хотелось помочь. Я приподнялась на локтях, подложила под спину подушку и устроилась поудобнее.

— Как ты попал в убежище? — Мне вдруг стало неловко от того, что я ничего о нём не знаю. А он смотрел на меня так, будто мы старые друзья.

Макс пожал плечами. Жест был лёгким, почти небрежным, но я заметила, как его пальцы сжались в кулак, а потом расслабились.

— После бункера я долго бродил по городу, не зная, куда идти. Мама... — он сглотнул. — Мама умерла незадолго до того, как нас выпустили. Просто не проснулась. Она давно болела, а без должной помощи ее было не спасти. В итоге я остался один. Отца никогда не знал, поэтому жил, как мог: ночевал в подвалах, воровал еду с раздаток, прятался от ликторов.

— Мне жаль, — выдохнула я.

Странное облегчение разлилось в груди. Ещё несколько минут назад я поймала себя на отвращении к Максиму из-за его сходства с Люцием — и это чувство меня напугало. Теперь же внутри разливалось сочувствие. Живое, настоящее, не похожее на жалость. Скорее, на понимание.

Я знала, каково это — потерять родителей, и не хотела

быть той, кто судит человека по внешности.

Потому что если я могу чувствовать чужую боль — значит, я ещё не превратилась в монстра. Значит, внутри, под слоем пустоты и страха, еще теплится что-то человеческое.

— Мои родители тоже погибли, — тихо сказала я. — Или пропали. Я не знаю точно. Но я знаю, каково это — остаться одной.

Макс посмотрел на меня. В его глазах не было жалости. Только тихая, спокойная благодарность.

— Я знал, что ты меня поймешь.

— Откуда?

— Просто знаю, — Макс горько усмехнулся. — Наверное, люди с похожими судьбами встречаются не зря. Так мы разделяем свою боль, и она становится не такой уж невыносимой.

Парень говорил так спокойно, будто вовсе не о себе. Но я чувствовала: внутри него всё сжималось от одиночества, к которому он привык, но так и не смог принять. Макс продолжил:

— Через несколько лет я встретил Теренция и его людей. Они изредка выходили из подполья, собирали тех, кто остался без крыши. Сказали, что есть место, где можно спрятаться. Я пошёл с ними.

— И ты им сразу поверил?

— Не сразу, — Макс покачал головой. — Сначала не верил. Думал, что это такая ловушка. Что они приведут меня

к ликторам или, хуже, к авгурам. Но Теренций... он другой. Я чувствовал, что он не врёт, и не жалею, что доверился и пошел с ними.

— А чем вообще здесь занимаются? — спросила я, подавшись вперед.

— В убежище? — переспросил Макс.

— Ага, — меня вдруг охватил жгучий интерес: не просто узнать о жизни Макса, а понять, как живут люди, уже несколько лет скрывающиеся от системы.

Макс заметил моё любопытство. Его губы дрогнули в лёгкой, почти застенчивой улыбке.

— Все по-разному, — задумчиво сказал он, словно перебирая в голове занятия, которые есть в этом месте. — Кто-то готовит на кухне, кто-то отвечает за воду и электричество, кто-то шьёт одежду, занимается с детьми, следит за лекарствами и лечит от болезней. Здесь — автономное общество, обеспечивающее комфортную жизнь каждому. Теренций говорит, что здесь нет «мужских» или «женских» дел. Есть просто дела, которые нужно делать. И каждый делает то, что умеет лучше всего.

— А ты? Чем ты занимаешься?

— Я помогаю Теренцию. Он учит меня всему, что знает. Химии, биологии, устройству систем — как чинить, настраивать, как не убиться током. — Макс так заразительно улыбнулся своим словам, что и я не смогла сдержать улыбку. Было видно, что он гордится своим делом.

— Тебе нравится?

— Еще как! — Он снова взъерошил свои волосы. — Я чувствую, что приношу пользу. Не просто дышу общим воздухом и жую пайки, а делаю что-то важное. Здесь никто не сидит без дела, даже дети помогают. Все заняты, и это наполняет нашу жизнь смыслом.

Я задумалась. В академии нас тоже заставляли работать — тренироваться, учиться, выступать на Агонах. Но там нас использовали, тогда как здесь каждый хотел быть частью важного механизма.

— А как вы распределяете еду? Воду? Всё, что нужно для жизни?

— За запасы отвечает Корвин. Он проверяет запасы продуктов, воды и лекарств каждый день. Если чего-то не хватает, он отправляет людей в город. Разведчики — те, кто умеет быть незаметным, — приносят нужное. А я в их числе.

— Ты ходишь в город? — я почувствовала, как внутри кольнуло. В городе было опасно. Но Макс говорил об этом так буднично, будто речь шла о прогулке до соседнего квартала.

— Конечно, — он пожал плечами. — Это не так страшно, если знаешь, куда идти и как не попасться на глаза стражам. Ликторы не всевидящие. У них есть слепые зоны, свои маршруты для патруля, свои привычки. Теренций научил меня их понимать.

— А если тебя поймают?

— Не переживай, меня не поймают, — ответил он со спокойной уверенностью человека, который уже не раз испытывал себя.

Я смотрела на него и вдруг поняла, что завидую его простой, будничной уверенности и знанию, что он был здесь нужен. Что он действительно на своём месте. В академии у меня этого не было. А здесь, в убежище... возможно, я бы могла послужить на благо всей коммун.

Сердце болезненно сжалось. Я отогнала эти мысли и спросила:

— А как вы вообще нашли это место?

Макс обвел рукой комнату, будто показывая не только на стены, а на все убежище.

— Это старый склад. Ещё до Падения здесь хранили какие-то приборы, реактивы и оборудование. Потом забросили. Теренций знал о нём — он работал в соседнем здании. Когда система начала охоту на палладиев, он собрал людей и предложил спрятаться здесь. Пришли, починили, что могли, и остались.

— И до сих пор это место никто не нашёл?

— Из ликторов? Пока нет, — сказал Макс, задумавшись.
— Теренций установил глушилки, поставил ловушки. Снаружи вход выглядит как груда мусора — никто не догадается, что под ней целый подземный город. Но мы всё равно держим ухо востро. Патрули иногда проходят мимо, но внутрь не суются. Пока что.

Слова повисли в воздухе. Я знала, что они значат: когда-нибудь удача может отвернуться. И тогда...

Я не стала додумывать.

— А ты не боишься?

— Чего именно?

— Хотя бы того, что это место могут найти.

— Конечно, боюсь, — честно ответил Макс. — Но страх — не повод сидеть сложа руки. Это повод быть осторожнее. Макс посмотрел на меня, и в его глазах вспыхнула надежда.

— Мы все здесь боимся, Кассандра, — тихо сказал он. — Но мы здесь не для того, чтобы бояться. Мы здесь, чтобы продолжать жить.

Я кивнула. И вдруг поняла, что, кажется, начинаю понимать людей, проживающих здесь и отдавших себя обществу. Представила, каково это — быть частью единого организма, и мне ужасно хотелось найти свое место в этом обществе.

— А как вы добываете еду? Я видела, у вас есть горячая пища. Свежая. Не только концентраты и пайки.

Макс усмехнулся.

— Лучшее, что могло с нами случиться, — это теплицы.

— Теплицы? — я почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Настоящая еда. Не синтетическая каша, не витаминные добавки, а то, что выращено из земли. Я не видела такого девять лет. — Здесь? Под землёй?

— На верхнем уровне, в старых лабораториях, растут ово-

щи, зелень, пшеница. Не много, но хватает, чтобы разнообразить рацион.

Я хотела расспросить детальнее, но вдруг поняла: хочу не просто услышать, а увидеть всё своими глазами. Потрогать, вдохнуть запах живой земли и зелени.

— Можно на них посмотреть? — вырвалось у меня.

Макс удивлённо приподнял бровь.

— Сейчас?

— Ну... — я замялась, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Если не сложно. Никогда не видела, как растёт то, что после превращается в еду. Помню только синтетические пайки, а вкусная домашняя пища из овощей и зелени была только в детстве. Но здесь...

Я не договорила. Макс смотрел на меня с той же тёплой, немного смущенной улыбкой.

— Пойдём. Это недалеко. Только... — Макс на секунду замялся, — Только Теренций не любит, когда туда водят посторонних. Но ты же не посторонняя, верно?

Парень поднялся и протянул мне руку. Я на мгновение задумалась, но всё же оперлась на его ладонь и встала с койки, отбросив одеяло.

— Только тихо, — шепнул Макс, кивнув в сторону двери.

Мы вышли в коридор. Я держалась за стену, делая осторожные шаги, но с каждым метром слабость отступала. Внутри разгоралось любопытство, которое обычно гнало вперёд, заставляя забыть об усталости.

— А далеко эти теплицы? — спросила я.

— На верхнем уровне, — ответил Макс. — Придётся под-
няться по лестнице. Справишься?

— Справлюсь.

ГЛАВА 8. Открытие

Подъём занял больше времени, чем я ожидала. Лестница тянулась бесконечно, и я сбилась со счета на пятом пролете. Ноги дрожали, но я не останавливалась. Макс шел сзади, не торопил меня и лишь иногда тихо спрашивал, не хочу ли я передохнуть. Но я всегда отвечала «нет».

Наконец мы увидели железную, ржавую дверь с массивной ручкой. Макс обогнал меня, навалился плечом, и створка со скрежетом поддалась. Я сделала несколько шагов внутрь — и замерла.

Меня встретил яркий свет, который лился сверху, окутывая всё вокруг мягким желто-розовым сиянием. Я проморгалась и огляделась. Огромное помещение с высоким потолком зияло огромной дырой. Но не отсутствие крыши привлекло мое внимание.

Все пространство было усеяно ровными рядами длинных деревянных ящичков, наполненных темной рассыпчатой землей. Над каждым ящичком, на тонких металлических дугах, была натянута прозрачная пленка — хрупкие домики, внутри которых воздух казался влажным и густым. Сверху по металлическим столбам к каждому такому «домику» тянулись трубы. Я проследила за одной из них: она делилась на две части. Один конец заканчивался диском, из которого, как из

душа, лилась вода. Второй извивался по периметру грядки и заканчивался у земли. Из этой трубы в разных местах медленно капала вода, впитываясь в почву рядом с тонкими зелеными ростками.

Настоящие теплицы.

Я шагнула внутрь ближайшего «домика», не спрашивая разрешения, но Макс меня не остановил.

Внутри теплицы росли низкие кусты с широкими листьями и мелкими желтыми цветами.

— Огурцы, — сказал Макс за моей спиной. — Еще маленькие. Через пару недель появятся плоды.

Опустившись на корточки, осторожно провела пальцем по шершавому листу.

— Я помню этот запах, — прошептала я тихо, словно боялась спугнуть нежные ростки. — Мама часто делала салат из овощей. Дома всегда пахло свежей зеленью.

Макс молчал. Я перешла к следующей теплице, пригнувшись, чтобы не задеть пленку. Провела пальцами по гладкому листу, чувствуя, как он чуть пружинит под ладонью.

— Осторожно, это перец, — предупредил Макс откуда-то сзади. — Он ещё маленький, не окреп.

— Перец, — повторила я, не узнавая свой голос. — Я помню перец. Мама клала его в рагу, а я всегда выковыривала и откладывала на край тарелки.

В соседней теплице земля была влажной, почти чёрной. Из неё тянулись тонкие зеленые стрелки.

— Это лук, — сказал Макс. — Теренций говорит, в нём много витаминов.

Осторожно коснулась пера. Пальцы стали влажными, а запах был острым и свежим. Глаза защипало, я вытерла их тыльной стороной ладони. Переполненная восторгом, кинулась вглубь теплицы.

Куст с мелкими округлыми листьями оказался базиликом; запах ударил в нос, сладковатый, чуть пряный, и я замерла, вдыхая снова и снова. Рядом рос салат с хрустящими листьями, влажными от недавнего полива. Но дальше стояли, кажется, самые массивные и широкие теплицы с высокими стеблями, которые венчались жесткими усиками.

— Это пшеница, — сказал Макс, заметив мой взгляд. — Её мало, но Теренций каждый год сажает чуть больше, чем в предыдущем. Говорит, нельзя забывать, как пахнет хлеб.

Я протянула руку, провела пальцами по сухим, жестким колосьям. Они царапали кожу, но я не убирала ладонь. Из этих колосков получался настоящий хлеб, а не лепёшки из концентрата.

Я обошла все теплицы. Нежно касалась листьев, трогала плоды и вдыхала запах свежих овощей. Спрашивала, что это, как растёт, сколько ждать урожая. Макс терпеливо отвечал, и в его тоне легко угадывалась гордость человека, который был частью этого живого, дышащего мира.

И только обойдя все «домики», вдоволь насладившись чудом, я остановилась в центре помещения и выпрямилась,

чтобы перевести дыхание.

Здрав голову, я замерла, уставившись на потолок.

Только сейчас я поняла, что крыша была разрушена. Огромные куски бетона и стекла держались на металлических балках по периметру, создавая причудливую мозаику из теней и света, но в центре зияла огромная дыра, сквозь которую лился теплый свет.

Настоящее солнце.

Я зажмурилась, прикрыла лицо ладонью. Оно было ярким, тёплым, почти живым — не похожим на желтый свет ламп внизу. Я чувствовала, как оно греет щёки, щиплет веки и скользит по губам.

— Откуда здесь солнце? — прошептала я. — Его же не должно быть. Все небо затянуло дымкой после Падения, а виден только Аркос.

Сквозь приоткрытые я увидела, как Макс шагнул ближе и остановился рядом, подставив лицо солнечным лучам.

— Это все купол, — Макс принялся объяснять подробнее, увидев мой недоумевающий взгляд. — Теренций спроектировал купол над крышей, который проецирует изображение солнечного света.

— Изображение? Но я чувствую солнечное тепло!

— Потому что купол действительно излучает тепло и ультрафиолет, который получают растения.

— Разве фотоламп не достаточно?

Макс на секунду задумался, а потом пожал плечами.

— Никогда об этом не думал. Наверное, не достаточно, раз Теренций создал искусственное солнце.

— А вы не боитесь, что теплицу заметят патрули? — спросила я. — Эти лампы светят ярко, что даже сквозь крышу должно быть их видно.

— Купол спроектирован так, что снаружи ничего не заметно, — ответил Макс, довольно ухмыляясь. — Сверху видны только старый бетон и мусор, а свет рассеивается и не дает бликов. Теренций всё продумал.

— Было бы здорово показать это маме с папой, — мечтательно сказала я. — Им бы понравилось.

— Ты их найдёшь, — уверенно произнёс Макс. — Если они живы — ты найдёшь. А если нет... хотя бы узнаешь правду.

— Почему ты так уверен?

— Ты не из тех, кто сдаётся, — Макс повернулся ко мне, приблизившись настолько, что я ощутила тепло его тела. — Я видел тебя в бункере. Ты была ребенком, но никогда не плакала. Ты отдала свой батончик мне, хотя сама была голодна. Ты сильная, Кассандра. Даже если сама этого не чувствуешь.

Я хотела возразить. Сказать, что я не сильная, что внутри меня пустота. Что я боюсь и не знаю, как спасти того, кого люблю. Не знаю, как вернуть дар и не сойти с ума от всего, что узнала. Но слова застряли в горле.

Вместо этого я спросила:

— А ты? Ты бы сдался?

Макс усмехнулся уголками губ.

— Я уже сдавался. Но потом понял: сдаваться — это не решение. Можно упасть на дно, а можно оттолкнуться. Именно здесь, — он указал на теплицу, — я научился это делать.

Я смотрела на его руки — длинные пальцы, крепкие вены, мозоли. Руки человека, который не ждал спасения.

— Ты изменился, — сказала я. — Тот мальчик в бункере и этот Макс — разные люди.

— А ты — нет, — ответил Макс. — Ты стала сильнее, но внутри ты девушка, которая отдала свой батончик незнакомому ребёнку.

Я отвернулась, чтобы скрыть слёзы. Не знала, как принять его слова — они были слишком тёплыми, слишком светлыми для этого серого, холодного мира.

— Пойдём, — сказала я, выпрямляясь. — Теренций, наверное, уже ищет тебя.

— Пусть ищет, — Макс пожал плечами. — Я показал тебе ещё не всё.

Он повёл меня дальше, вглубь теплицы, туда, где за рядами зелени открывалась небольшая площадка. Там, под самой большой дырой в потолке, стояла старая деревянная скамья, увитая каким-то вьющимся растением.

— Теренций называет это место «залом ожидания», — сказал Макс. — Говорит, если уж суждено умереть, то лучше это делать в тепле и среди зелени.

— Он циник, — заметила я.

— Он реалист, — поправил Макс. — В нашем мире цинизм и реализм — одно и то же.

Пока мы шли между рядами, я сверлила взглядом спину парня и думала о том, что Макс знает столько же, сколько и Теренций. По крайней мере — больше, чем я. Названия растений, устройство полива, особенности освещения. А еще — про купол и фальшивое изображение Луны. Это странно, но этот факт не пугал, а, скорее, был непривычным.

В разговоре с Теренцием мне показалось, что старик выдавал информацию порциями, осторожно, будто боялся ей перенасытить. Макс же делился всем, что знал, без утайки. Кажется, он давно ждал того, с кем можно было поделиться ценными знаниями, словно я была не случайной знакомой из бункера, а старым другом, которого он наконец встретил.

От этого было и тепло, и в то же время неловко. Я не привыкла, чтобы мне так доверяли, и не понимала, чем это заслужила.

С Сибиллой и Элиосом все было иначе. Мы оказались вместе поневоле, и нам пришлось довериться друг другу, чтобы выжить. Но главное — я знала, что они чувствуют то же, что и я: боль, страх, желание вырваться из клетки. Нас скрепил мой дар, поэтому верить им было также легко, как самой себе.

Макс же выбрал меня с первого взгляда. Без испытаний, боли, связи и нитей, которые могли бы подтвердить, что он

мне не врал. Его выбор кружил голову: хотелось отступить на шаг, потому что я боялась, что однажды он поймет — я не стою ни капли его доверия.

Раньше я чувствовала эмоции друзей: те вплетались в мою сеть — золотые, живые нити, которые соединяли нас и делали единым целым. Я знала, где заканчиваюсь я и начинаются они. И это знание дарило мне спокойствие.

Но не теперь вокруг был только шум из хаоса чужих эмоций — гулкий, хаотичный, он заполнял пространство внутри, мешая сосредоточиться.

Я не заметила, как мы сели. Макс смотрел на облака, и его профиль был спокойным, почти безмятежным. Он ничего не требовал, не давил. Просто был здесь, и почему-то это пугало больше, чем если бы он без устали задавал вопросы. Мы сидели на скамье, и я не могла оторвать взгляд от неба. Облака медленно плыли по голубому полотну, закрывая солнце. Каждый раз, когда оно пробивалось сквозь тучи, я щурилась, но не позволяла себе отвернуться.

Я подставила лицо солнцу, прикрыла глаза. Тепло разливалось по коже и проникало сквозь веки, окрашивая темноту в оранжевый.

— Ты знаешь, зачем построили Ойкумену? — вдруг спросил Макс таким приподнятым тоном, будто собирался рассказать что-то важное и знал, что это меня точно удивит.

— Как это «зачем»? — недоуменно спросила я, не глядя на парня. — Чтобы здесь жили люди. Осваивали, так сказать,

территорию.

— Да, так писали в учебниках истории до Падения. Хорошая география, плодородная почва и транспортные связи. Но город построили с другой целью.

Я открыла глаза и повернулась к нему. Он сидел, откинувшись на спинку скамьи, и смотрел на облака с таким спокойствием, будто не сказал ничего особенного.

— С какой такой целью?

— Ойкумену задумали как эксперимент, — пожал плечами Макс. — Ты ведь знаешь, что наш город — один из самых молодых на материке?

— Да, ему всего сто пятьдесят лет.

— Именно. Сто пятьдесят лет назад группа людей предложила создать идеальный город. Они считали, что правильная архитектура и правила приведут к идеальному обществу.

— Идеальному? Как можно быть «идеальным» по чьей-то указке? — переспросила я.

— Не знаю. Но это были мечты людей, которые хотели, чтобы граждане не задавали лишних вопросов, не бунтовали, а просто выполняли свою работу. Поэтому для заселения города отбирали семьи, которые подходили под все требования. Теренций говорит, что списки составили еще до закладки первого камня.

Я смотрела на него, не веря своим ушам.

— Ты хочешь сказать, что наша жизнь здесь — не случайность? Что нас выбрали специально?

— Не нас, а наших родителей и их предков.

— Но кто выбирал семьи? Кто решал, кого поселить в Ойкумену? — по спине пробежал холодок.

— Не знаю, — Макс пожал плечами. — Кто-то из представителей ученых, военных и политиков, которые после Падения провозгласили себя патрициями.

— Теренций разве не знает?

— Он молчит. Может, действительно не знает. Но ясно одно: нашу жизнь распланировали задолго до нашего рождения.

Я отвернулась, разглядывая теплицы. Внутри все кипело, как бурлящий котел.

— Наверное, что-то пошло не так, да?

— Да, — кивнул Макс с загадочной улыбкой. Он явно наслаждался моим изумлением. — Со временем те, кто правил городом, поняли: идеальный порядок — это утопия. Люди были недовольны, задавали вопросы, хотели большего. Начались конфликты. Верхушка разделилась. Одни хотели усилить контроль, другие — ослабить. А третьи искали другой путь.

— Какой?

— Управлять не через страх, а с помощью космической энергии.

— Паллади... — выдохнула я, не желая принимать его слова за действительность.

— За несколько лет до Падения астрономы заметили

огромный объект, приближающийся к Земле. Он должен был пролететь мимо, но расчёты показали, что гравитация планеты может изменить его курс прямо на наш город.

— Аркос, — прошептала я.

— Да, — Макс посмотрел на меня. — Тогда они не знали, как его называть. Только через несколько лет, когда он завис над городом, ему дали имя.

— И? — голос у меня сел. — Они предупредили об этом людей, правительство?

— Предупредили. Призывали сделать хоть что-нибудь — остановить, перенаправить, хотя бы эвакуировать город. Но правительство приняло другое решение, которое предложи Кассиан Авис.

Меня охватило тревожное предчувствие.

— Кассиан настаивал на том, что внеземное тело можно использовать во благо для города, потому что уже тогда было понятно: это не просто камень. — продолжал Макс. — Авис обещал, что Аркос не уничтожит город, а станет источником невероятной энергии.

— И что? Никто ничего не сделал?

— Не совсем. Авис убедил правительство, что вместо спасения нужно подготовиться. Что катастрофа даст городу новый шанс, ведь проект идеального города уже потерпел крах.

— Погоди, — я медленно развернулась, переваривая услышанное. — Ты хочешь сказать, что Кассиан, этот паршивый ублюдок, знал, что Аркос может стереть в порошок

город, и ничего не предпринял, чтобы спасти людей?

— Не так, как ты думаешь. Он решил рискнуть и позволить Аркосу приблизиться к городу, спроектировав купол для защиты от катаклизма. Кассиан сделал все для того, чтобы катастрофа случилась именно здесь.

— То есть он не был уверен в том, что купол нас защитит?

— Насчет этого не знаю. Но были люди, которые работали вместе с ним и не хотели рисковать жителями города.

Я не могла дышать. Смотрела на Макса, но видела площадь и людей, бегущих в укрытие. Купол, который трещал по швам. И Кассиана Ависа, который стоял на балконе Капитолия и смотрел на всё это сверху.

— А те, кто был против? — спросила я, смотря с надеждой в его глаза. — Такие вообще были?

— Были. — ответил Макс. Он не отвел взгляд. — Тех, кто не поддержал Кассиана, устранили. Кто-то успел уйти в тень, как Теренций. Кого-то... просто не стало.

— Мои родители... — выдохнула я, — они были учёными. Работали в Департаменте внеземных наблюдений.

— Правда? — удивился Макс.

— Их отправили на побережье в обсерваторию за несколько дней до Падения.

Правда складывалась в голове, как пазл.

— Их убрали, — сказала я. — Они погибли не из-за катаклизма, а из-за людей. Родители знали, что нам угрожает, и могли помочь избежать катастрофы.

Макс молчал, а я закипала от ярости, чувствуя, как тело бьет мелкая дрожь.

— А Кассиан? Он знал, что Аркос наделит нас энергией? Что мы станем палладиями? — я смотрела на свои дрожащие руки.

— Скорее всего, знал, — не стал отрицать Макс. — Или догадывался. Он убедил всех, что катастрофа — это шанс для Нового мира. После Падения его назначили главным консулом в награду за то, что город уцелел. За то, что он не поддался панике и принял правильное решение.

Я подняла голову. Небо было чистым, голубым, спокойным. Солнце грело лицо. А внутри меня простирался холод, который ничего не могло растопить.

— Мне жаль, Кассандра, — сказал он, положив руку на мою и слегка сжав.

Я посмотрела на его пальцы, но ничего не почувствовала. Ни благодарности, ни раздражения. Только пустоту. Слишком много правды за один день. Слишком много боли.

Мир рухнул не в день Падения. Он рухнул, когда Кассиан Авис решил, что миллионы жизней — достойная цена за власть.

— Я убью его, — сказала я, не как угрозу, а как неизбежный факт.

Макс посмотрел на меня без страха. Только с тихой, спокойной уверенностью.

— Я тебе помогу, — сказал он и сжал мою ладонь сильнее.

И почему-то я поверила

ГЛАВА 9. В плену

Под утро Люси принесла ремни.

После того как меня приволокли ликторы и заперли в комнате, я рухнул на койку и отключился. Открыл глаза только когда услышал, как кто-то вошел. Шаги были тихими, неуверенными, как будто девушка несла не металл, а взрывчатку. Пряжка звякнула о край тумбочки: Люси положила ремни рядом с койкой, и я ощутил, как прогнулся матрас под их весом. Дыхание девушки было прерывистым и частым: я слышал, как она шмыгнула носом.

— Пристегни его, — спокойно сказал Корд, шедший за ней. Его голос звучал так, будто он просил добавку в столовой. Люси замешкалась, взяла один ремень — металл звякнул. Её пальцы дрожали, я чувствовал это через воздух. — Я сказал — пристегни.

Люси взяла моё запястье, и я вздрогнул — такими ледяными были ее пальцы. Она действовала быстро, будто боялась, что если замешкается, то не сможет исполнить приказ.

Металл браслета туго сжал кожу. Ремень прошёл сквозь пряжку, и я услышал, как девушка его затянула — насколько ей хватило силы: не сильно, но крепко.

— Люси, — позвал я. — Посмотри на меня.

Она не ответила. Я не видел её лица — только смутный

силуэт и тени вместо глаз.

— Не делай этого, — прошептал я. — Пожалуйста.

Люси промолчала.

— Разговаривать будешь потом, — голос Корда раздался прямо над ухом. Я почувствовал его дыхание — влажное, тяжелое, с запахом табака и чего-то сладкого. — Люси, второе запястье. Быстрее.

Пальцы девушки скользнули к правой руке. Нашупали запястье. Второй браслет защелкнулся с глухим, металлическим звуком.

— Теперь ноги, — меня накрыла тень Корда, стоящего рядом. Затылком ощутил его безразличный взгляд и услышал скуку в голосе.

Люси переключилась на ноги. Её пальцы дрожали, пока девушка пыталась справиться с пряжками. Жесткие ремни впивались в кожу, сковывая движения, как будто я был куском мяса.

— А теперь зафиксируй ему грудь, — приказал Корд спокойным, почти ласковым тоном. — Это самый важный ремень. Не позволит дышать слишком глубоко.

Люси всхлипнула, склонившись надо мной, и ее лицо оказалось слишком близко. Я видел только размытые черты, но на секунду мне показалось, что в ее глазах мелькнуло облегчение. Руки девушки дрожали, пока она пропускала ремень через мою грудь. Она затянула его, и я почувствовал, как рёбра сжались, будто их сдавил огромный валун.

Девушка отошла и шумно вдохнула, посмотрев на Корда.

— Если дернешься, — Флавий наклонился, и его дыхание коснулось моей щеки, — я прикажу ликторам ударить ее электрошокером. И поверь, твои ослепшие глаза не помогут избежать вида ее страданий.

Я сжал кулаки, и ремни сильнее впились в запястья.

— Ты подонок, — прохрипел я.

— Нет, Авис. Я тот, у кого есть власть, — парировал Корд.

— Готово, — прошептала Люси дрожащим голосом, стоя слева от койки и пряча лицо в распущенных волосах.

— Умница, — Корд хлопнул в ладоши. — А теперь выйди.

Люси выбежала в коридор. Флавий подошёл к выходу и с глухим стуком захлопнул за ней дверь. Щелкнул замок. Я не видел лица Корда, но чувствовал его ухмылку. Флавий развернулся и лениво, почти бесшумно, вернулся к койке.

— Вот так-то лучше, Авис. Теперь можем поболтать без твоей бывшей подружки.

Тело среагировало раньше, чем я успел осознать происходящее. Я рванулся вперед, пытаюсь вскочить и вцепиться Корду в горло, но не успел. Меня тут же отбросило назад. От боли, пронзившей левый бок и скрутившей внутренности, я застонал.

— Тихо, тихо, — его рот исказился в презрительной усмешке. — Я тоже рад тебя видеть, Авис.

***

Дверь закрылась, и я остался один.

Ремни врезались в кожу с каждым вдохом. Я не мог пошевелиться, даже повернуть голову, поэтому лежал, сверля взглядом потолок.

Сколько прошло времени, я не знал. Закрыл глаза, слушая треск лампы под потолком и далекий гул вентиляции, который мешался с глухим стуком сердца. Мысли о Корде и его словах не давали покоя.

Мама жива.

Я пытался представить её лежащей в кресле, с трубками в венах, без сознания. Не смог. В памяти она осталась сидеть в своем кресле у окна, с улыбкой на лице слушая музыку с проигрывателя. Мысль о том, что отец заставил меня стоять у пустого гроба, была невыносима.

Но зачем отцу скрывать от меня маму, инсценировав смерть? Я не находил этому объяснения, отказываясь верить и принимать. Легче было думать, что Корд лжет и пытается вывести меня из себя. Но зачем? Какая ему выгода?

Ненависть.

Она была не случайной. Я чувствовал, как та тянулась за мной по коридорам академии и сворачивала за угол, поджидая в тени.

Впервые увидел Корда в шестнадцать. Отец привел меня в академию, показать, где буду учиться, и познакомить с кураторами. Корд стоял у стены, сложив руки на груди. Он не

подошел ко мне с отцом, продолжая стоять в конце зала и смотреть на меня так, будто я был мусором, который прибило к порогу его дома.

— Не обращай внимания, — сказал отец властным тоном. — Корд всегда такой, а твой куратор сейчас подойдет.

Тогда я решил, что Корду просто не по душе подростки, или у него был плохой день. Но потом заметил, что тот всегда был рядом с отцом, на шаг позади, готовый выполнить приказ. Как верный пёс, которому доверяют грязную работу.

Корд был старше меня на двенадцать лет. В академии его боялись все, даже кураторы. Поговаривали, что он часть проекта «Арес» — той самой секретной программы, куда отбирали самых сильных палладиев и тренировали с особой жестокостью, изматывали до потери пульса, ломали и собирали заново.

Именно Корд тренировал Люция и сделал из парня ту хладнокровную машину, которая с улыбкой на лице ломала кости на Агонах.

Я избегал Корда также, как и отца. Не хотел быть частью того мира, где все решала сила, а слабость презиралась и наказывалась плетьюми.

Но каждый раз, когда наши пути пересекались — в коридорах, на собраниях, тренировках — его взгляд буравил спину. Я не понимал, чем заслужил его ненависть, ведь никогда не перечил и не переходил дорогу. Просто существовал в одном пространстве. И этого оказалось достаточно.

А потом была площадь и его взгляд — полный презрения и ненависти, смешанный с триумфом. Его нож и слова: «Я промахнулся намеренно».

Корд хотел меня убить.

Почему? Неужели потому что я был сыном его наставника? Но я не помнил, чтобы Корд бросал полные злобы взгляды на отца, чтобы срывать свою ненависть на мне. Скорее, потому что я был тем, кем он никогда не сможет стать. А, может, я напоминал ему о ком-то, кого Корд ненавидел еще больше.

Теперь я был здесь: полуслепой, прикованный, не знающий, во что верить и кому доверять. Попытался пошевелиться — бесполезно.

— Чтоб тебя! — с досадой я дернул ремни в последний раз и расслабился, погружаясь в темноту.

Очнулся от тихого скрипа двери и неуверенных шагов. Не знаю, сколько времени прошло: ремни все так же впивались в запястья, сдавливали грудь, а ноги совершенно не ощущались.

Приоткрыл глаза и увидел Люси.

Девушка осторожно подошла, поставила миску на тумбочку возле койки. Я услышал, как ложка звякнула о край. Я следил за Люси из-под полуприкрытых век и заметил, как она поморщилась от громкого звука. Затем она прошла к креслу, пододвинула его к койке и села, закутавшись в плед. Немного передохнув, взяла миску и позвала:

— Логан, ты спишь? Тебе нужно поесть.

Я отвернулся, а Люси, убедившись, что не сплю, продолжила:

— Пожалуйста, — она взяла ложку, зачерпнула кашу. — Ты должен набираться сил.

— Чтобы лежать пластом силы не нужны, — я облизнул потрескавшиеся губы.

Я слышал, как она нервно вздохнула.

— Пожалуйста, — её голос дрожал.

— Освободи от ремней, и тогда я поем.

— Я не могу, — прошептала она, опустив голову. — Ты же знаешь, что не могу.

— Тогда уходи, — бросил я, не желая ни видеть Люси, ни принимать еду.

— Уйти я тоже не могу.

Я почувствовал, как ложка коснулась моих губ. Дернул головой, и ложка звякнула о край миски. Каша шлепнулась на простыню.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я, глядя прямо на Люси. — Это Корд приказал тебе кормить меня? Следить, чтобы не сдох от голода?

— Нет, — она всхлипнула. — Я сама. Я хочу помочь.

— Помочь? — я усмехнулся. — Ты уже здорово помогла. Понравилось застегивать на мне ремни?

— Логан, пожалуйста... — её голос оборвался. Я знал, что ей было больно: дыхание стало прерывистым от сдерживаем-

мых слез. Но мне было всё равно: я верил ей, верил в надежду обрести свободу и увидеть Кассандру. Но надежда обернулась разочарованием.

Внезапно я почувствовал ее мягкие прохладные ладони на своих щеках. Люси осторожно взяла моё лицо в руки, будто боялась причинить боль, и повернула к себе. На мгновение мне показалось, что я вижу её глаза.

Я не помнил, когда в последний раз смотрел на Люси так близко. Прошло много времени, и я почти забыл, как она выглядит: серо-зеленые глаза с тенью страха и нежности, лёгкая печальная улыбка, светлые волосы, спадающие на плечи. Но теперь, когда я смог рассмотреть девушку ближе, мое сердце сжалось.

— Пожалуйста, — шепнула Люси, приблизившись так близко, что и я почувствовал её дыхание на своей щеке — легкое, почти невесомое. Затем она прижалась лбом к моему, позволяя нескольким прядям коснуться моего лица. — Поешь, хотя бы ради меня.

Люси отстранилась, и, когда ложка снова коснулась губ, я был так удивлен, что без раздумий открыл рот.

Каша оказалась безвкусной, вязкой. Я ел через силу, давился, но продолжал, все еще ощущая прохладные ладони на своих щеках. А потом внутри меня что-то дрогнуло.

Кассандра.

Я замер, перестав жевать.

Из темноты всплыл её образ — яркий, живой. Глаза цвета

янтря смотрели с лёгким беспокойством, и на мгновение я увидел то, что она так отчаянно прятала — любовь. Я вспомнил ее смех, когда я шутил в лазарете, и тепло разлилось в моей груди. А голос, шепчущий моё имя, пока Кассандра сжимала мою руку, напомнил мне о том, за что я должен бороться.

Люси кормила меня, и это казалось неправильным, почти отвратительным. Не по отношению к ней, а ко мне. Я позволил себе ощущать её заботу, а рукам оказаться на лице, и ненавидел себя за это.

Потому что не она должна была сидеть рядом.

Но я продолжил есть, потому что мысли о Кассандре не давали мне упасть в пустоту. Они были моим якорем, нитью, единственной надеждой на то, что однажды я выберусь отсюда и снова увижу её — живую и настоящую.

— Ещё, — прохрипел я.

Люси вздрогнула. Потом снова зачерпнула кашу.

Она кормила меня, ложка за ложкой, иногда вытирая подбородок салфеткой — аккуратно, будто боясь поранить.

Я не ощущал ни благодарности, ни тепла. Боль, отчаяние, вина и надежда слились в гнетущей пустоте, где застряло воспоминание о Кассандре.

— Спасибо, — прошептала Люси, когда миска опустела.

— Не за что, — ответил я, осознав, что говорю правду: я сделал это не ради неё. Я сделал это ради себя.

— Я приду завтра, — пообещала Люси, поставив миску

на тумбочку. Затем встала, избегая смотреть мне в глаза, и поправила одеяло.

— Ты ведь пришла не только потому, что боялась моей голодной смерти, верно? — я внимательно смотрел на девушку, мотивов которой никак не мог понять. Там было что-то еще, кроме ее отчаянной заботы.

— Через пару дней тебя будет ждать отец.

— Чего он хочет?

— Поговорить, — продолжила Люси, подходя к двери.

Я ждал этого разговора так же сильно, как и боялся. Что он скажет? Что сделает? И главное — смогу ли я смотреть в его глаза, зная, что он сделал с мамой?

— О чём?

— Не знаю, Логан. Но тебе нужны силы. Увидимся утром, — сказала она, не обернувшись, и в следующее мгновение дверь закрылась за ее спиной.

Люси права: если я хочу выжить и снова увидеть Кассандру — мне нужны силы. Я закрыл глаза и, кажется, провалился в сон с мыслью о том, что через пару дней увижу отца. И, может быть, тогда получу ответы.

ГЛАВА 10. На грани сомнений

Когда мы спустились вниз, я ясно ощутила, что тепло, исходившее от теплиц, осталось наверху: здесь, в коридорах убежища, снова было сыро и пахло бетоном, а лампы мигали, отбрасывая длинные тени.

Я шла, стараясь не отставать от Макса и не обращать внимания на дрожащие ноги: те были ватными, но не от усталости, а от того, что посчастливилось увидеть в теплицах. Зелень, свет, вода, капающая на живую землю — все это было, как сон, из которого совсем не хотелось возвращаться в серый, холодный мир.

Макс шел рядом, придерживая меня за локоть, но не задавал вопросов и не мешал осмысливать увиденное. Только иногда поглядывал, словно беспокоясь и проверяя, не собираюсь ли я потерять сознание. Его забота была почти осязаемой — она висела в воздухе, как облако духов, от которых кружилась голова.

Это немного раздражало. Не потому что Макс сделал что-то плохое: просто я не привыкла, чтобы кто-то, кроме Райли, так пристально за мной следил. Даже Элиос с Сибиллой беспокоились обо мне как-то иначе, словно давая своим чувствам и мне больше воздуха.

Но я молча принимала помощь, пока мы шли по ступе-

ням. Разве могла я попросить отойти того, кто проявлял заботу? Я отогнала эту мысль: слишком устала думать о том, что правильно, а что нет.

— Куда мы теперь? — спросила я, остановившись на площадке между пролетами. Ноги были ватными. Я прислонилась плечом к холодной стене, словно невзначай высвободив руку из хватки парня. — В лазарет?

Макс тоже остановился и тихо спросил:

— Ты хочешь вернуться?

Я покачала головой.

— Мне нужно найти Райли, — сказала я, оттолкнувшись от стены и посмотрев на Макса. — Не знаешь, где ее найти?

— Скорее всего твоя тетя сейчас в главном зале. Уже время обеда.

— Тогда идем туда.

Макс кивнул, развернулся и продолжил спускаться по лестнице. Я пошла следом, чувствуя, как парень сбавляет шаг, чтобы мне было легче.

Коридоры убежища петляли, резко сворачивали и терялись в полумраке. Я пыталась запомнить повороты, но в голове все путалось. Кажется, мой мозг расслабился и решил не напрягаться, потому что рядом со мной все время кто-то был.

В главном зале было шумно. Взрослые обедали, дети бегали между столов, кто-то громко смеялся у раздачи. Запах горячей еды смешивался с запахом пота и сырости. Это была

обычная жизнь, которую я давно не видела в Ойкумене, и от этой мысли становилось тепло и немного грустно.

Элиос с Сибиллой сидели за столом в дальнем углу помещения. Увидев нас с Максом, Элиос так резко встал, что скамья со скрипом отъехала в сторону.

— Касс, где ты была? — Голос прозвучал громче, чем обычно. Несколько человек обернулись.

Я заметила, как Сибилла, на лице которой еще секунду назад была улыбка, вздрогнула и перевела беспокойный взгляд с меня на Макса. Райли, которая принесла ещё одну тарелку с едой, замерла с противоположной стороны, не донеся её до стола.

— В теплицах, — ответил Макс спокойно, будто не замечал напряжения, повисшего в воздухе.

— Я не тебя спрашиваю, — резко бросил Элиос, шагнув вперед.

— Эл, мы просто... — начала я и тут же подавилась своими словами.

— Это он потащил тебя в теплицы? — Элиос перебил, не глядя на меня. Он продолжал сверлить Макса уничтожающим взглядом, подошел ближе и угрожающе навис над ним. — Ты хоть понимаешь, что у нее могло быть сотрясение?

— Я в порядке, Эл. Правда, — попыталась вклиниться я, но Элиос даже не обернулся.

Я впервые видела друга таким — собранным, жёстким, готовым к конфликту. Обычно Элиос избегал ссор, но сейчас

друг стоял, сжав кулаки, и смотрел на Макса так, будто тот был нашим общим врагом.

— Ты почему никого не спросил? — голос его стал тише, но от этого только жестче. — Почему никого не предупредил?

— Я думал, Кассандре лучше, — ответил Макс сквозь зубы. На лице заходили желваки.

— Думал он, — Элиос усмехнулся. — А если бы она там снова потеряла сознание?

— Я бы этого не допустил, потому что все время был рядом. В отличие от тебя.

— В отличие от меня? — Элиос шагнул ещё ближе. Теперь они стояли почти вплотную. — Ты вообще кто такой, чтобы решать за других, где им нужно находиться и что делать?

Макс молчал, но не отступил, продолжая с вызовом смотреть на Элиоса. Его руки, которые всегда были спокойны, дрожали.

— Эл, прекрати, — я попыталась встать между ними.

— Не могу, — Элиос отодвинул меня плечом, словно пряча от Макса. — Логана здесь нет, поэтому забота о твоей безопасности лежит на мне. Я обещал.

Я замерла.

Логан знал, что может не вернуться, и попросил Элиоса присмотреть за мной? Когда?

— Я не мог... я даже не знал, где ты, — голос Элиоса дрог-

нул, когда он развернулся и положил руки мне на плечи. — А этот... — он мотнул головой в сторону Макса. — Пришел и увел тебя, никого не предупредив. Мы поздно спохватились, что тебя нет в лазарете, а, посмотрев по камерам, увидели, как вы идете сюда.

Я смотрела на Элиоса и не узнавала его. Обычно сдержанный, спокойный, сейчас он был на грани. И я вдруг поняла: он чувствовал себя обязанным. Перед Логаном. Перед собой. Перед тем, что мы пережили вместе.

Он боялся, но не за себя. За меня.

И это было так неожиданно, так... трогательно, что у меня защипало в глазах.

— Эл... — Но друг меня не слышал: Элиос снова повернулся к Максиму, сжимая кулаки.

— Я не потерплю, чтобы с Касс что-нибудь случилось.

— А ты что, ее парень?

— Тебе какое дело?

— Такое! Я сам не дам ничему плохому с ней случиться.

И твое разрешение быть рядом с Кассандрой мне не нужно, ясно тебе?

— Нарываешься? — Элиос шагнул вперед. — Ты кто вообще такой?

Он толкнул Макса в грудь, но тот смахнул руку Элиоса, будто отгонял назойливую муху. Атмосфера накалилась до предела: я видела, как между парнями сверкают молнии, и не понимала, каким образом могла стать причиной конфликта

между ними.

— Прекратите! — крикнула я, привлекая внимание, и втиснулась между парнями, раскинув руки. — Оба!

Они замерли, но не оторвали друг от друга взгляда. Элиос тяжело дышал, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Макс внешне оставался спокойным, но сжатые челюсти выдавали напряжение.

— Сейчас же прекратите это шоу!

— Кассандра, — Макс умоляюще посмотрел мне в глаза, словно просил выбрать его сторону.

— Касс, я должен...

— Я сама буду решать, где мне быть и с кем, — голос дрогнул. — Ясно вам?

Парни кивнули и снова посмотрели друг на друга.

— Я тебя предупредил, — буркнул Элиос и отошел к столу.

— Я тебя тоже, — фыркнул Макс и, развернувшись на пятках, направился к выходу.

Ко мне подошла Райли и осторожно взяла за руку.

— Ты как? — спросила она тихо.

— Нормально, — ответила я, взглянув на Элиоса. Тот сидел ко мне спиной и ел свою порцию, будто ничего не произошло. Сибилла сидела рядом и гладила Элиоса по спине, что-то тихо приговаривая. — Просто... я не знала, что Эл так переживает.

— Он просто чувствует себя ответственным, — сказала

Райли, обнимая меня за плечи. — Перед Логаном. И перед тобой.

Казалось, я не знала своего друга. Не знала, что Элиос может защищать своих, как разъяренный лев, готовый разорвать врагов на части. Да, я видела, каким он был там, на площади, как крушил ликторов, защищая нас. Но здесь, в относительной безопасности, не с кем было сражаться. И все же Элиос оставался на страже нашей — моей — безопасности, не позволяя себе слепо доверять.

И ещё я поняла другое: я не спрашивала Элиоса о том, что он пережил на площади после того, как бросил Логана и ушел, уводя нас в безопасность. Он не жаловался, терпел, даже когда сломал руку, прикрывая нас от ликторов. Но чувствовал себя виноватым перед Логаном, что не смог остаться и помочь бороться с Кордом. И теперь я та, кому Элиос считает себя обязанным, думая, что если со мной что-то случится, то он не сможет себя простить.

— Райли, — позвала я тихо. — Папа тоже был таким?

— В каком смысле?

— Он также о тебе заботился?

— Ты хочешь спросить, похоже ли это на защиту старшего брата?

Я кивнула.

— Очень похоже, — Райли вздохнула, посмотрев на Элиоса. — Твой папа также опекал меня и в школе, и в колледже. Тогда его забота раздражала, но теперь мне этого

очень не хватает.

— Я поговорю с Элиосом, — сказала я.

Мы подошли к столу. Райли обошла и села на свое место, принявшись за еду, а я опустилась на скамью рядом с Элиосом.

— Эл.

— Что? — Элиос даже не поднял головы.

— Спасибо.

Он нахмурился, повернулся ко мне.

— За что?

— За заботу, — прошептала я, опустив глаза. — Это прозвучит глупо, но я не привыкла, чтобы кто-то так за меня переживал.

Элиос промолчал.

— Не привыкай, — буркнул он. — Лучше не надо.

У меня рухнуло сердце.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы тебе приходилось привыкать к чужой злости и видеть меня таким. Никому из вас.

Я не нашлась, что ответить. Элиос тяжело вздохнул, провел рукой по лицу.

— Я был не прав и перегнул палку. Ты вправе видеться с кем хочешь и когда хочешь.

— Эл...

— Касс, ты доверяешь этому парню?

Я задумалась на секунду. Хотела ответить «да», но не

смогла.

— Не знаю, — ответила я честно. — Мы с Максом познакомились в бункере, и после этого не виделись.

— В бункере? — оживилась Райли. — Это не тот ли мальчик, у мамы которого мужчина забрал паек?

— Да, это он. Его мама умерла.

— Ох, как жаль, — выдохнула тетя. Элиос нахмурился.

— Кажется, будто я его знаю, но при этом не знаю совсем.

Но, думаю, хотела бы с ним подружиться.

— Хорошо, будь по-твоему, — Элиос вернулся к еде. —

Но, предупреждаю, Касс — я не доверяю этому Максусу и буду смотреть в оба.

— Так точно, сэр, — я приставила ладонь к голове. Элиос закатил глаза, а Сибилла хихикнула.

— Ну вот и помирились, — заключила Райли, улыбнувшись. — А теперь, Касс, принимайся за еду. Тебе нужны силы.

***

После обеда мы собрались в нашей с Сибби и Райли комнате. Райли принесла травяной чай, пахнущий свежей мятой. Сибилла сидела на своей койке, поджав ноги, а Элиос стоял у входа, скрестив руки на груди.

— Логан жив, — объявила я, не дожидаясь вопросов.

— Что? — Выпрямился Элиос.

— Как? — Сибилла поддалась вперед.

— Ты уверена? — Райли замерла с чайником в руке.

— Да. Я видела его.

— Почему раньше не сказала?

— Где ты его видела?

Три пары глаз пристально смотрели на меня, ожидая ответа. Я села на койку и начала рассказывать с того, что узнала от Теренция: об Аркосе — живом, но спящем, о проекции Луны и настоящем Аркосе, спрятанном за куполом. О том, что наши способности — это его энергия, которую мы у него забрали.

Ребята слушали молча. Глаза Сибиллы светились всеми цветами радуги: она не отрываясь смотрела на меня, теребила край одеяла и ловила каждое слово. Райли раздала нам кружки с чаем, но никто не сделал ни глотка, продолжая внимательно слушать.

Я рассказала о Логане: как оказалась в его сознании, о ремнях и боли, почти полной слепоте. Вспомнила Корда и то, что Кассиан похоронил пустой гроб, а мать Логана жива.

Сделав глоток чая, я рассказала о теплицах, Максе и Ойкумене, которую построили ради эксперимента. Элиос хмурился — я знала, он сомневался в словах Макса. Но, зная, что Макс был помощником Теренция, мы решили, что ему можно верить.

Когда я закончила, друзья долго молчали. Чай остыл, но вкус ничуть не испортился. Я жадно выпила стакан в несколько глотков, оставила на тумбу и заявила:

— Мы должны найти Логана.

— Мы найдем, Касс, — согласился Элиос без колебаний.

— Но сначала нужно узнать, где его держат.

— Я попробую это выяснить, — твердо решила я. — В прошлый раз я видела палату, похожую на лазарет, но она была мне незнакома. Может, если буду знать, за что зацепиться, смогу найти то, что нам нужно.

— А если не получится? — тихо спросила Сибби. — Если тебе снова станет плохо, как в прошлый раз?

— Я должна хотя бы попробовать.

Райли поставила кружку на тумбу.

— Корвин вернется через пару дней, — сказала она. — Я поговорю с ним, как и обещала. Тебе, Касс, нужна поддержка. Не только наша, но и его людей.

— Что, если он не согласится? — нахмурился Элиос, вертя в руках стакан с остывшим чаем.

— Согласится, — твердо отрезала Райли. Мне показалось, что тетя что-то скрывала: ее взгляд потемнел, а губы образовали тонкую нить.

— Если не согласится, то пойдем сами. Я не хочу ждать, — словно бросая вызов и Райли, и Корвину, с которым еще была незнакома, заявила я. — Корд может попытаться снова убить Логана.

— Логан нужен им живым, — возразила Сибилла. — Ты сама слышала, как Корд сказал, что Логан должен занять место своей матери.

— Это не значит, что он в безопасности.

— Конечно, нет, — Райли подошла ко мне и села рядом.

— Всего два дня, Кис-кис. За это время ты попробуешь выяснить, где он. А когда вернется Корвин, я скажу ему, что мы не можем ждать.

Я легонько сжала ее пальцы.

— Обещаешь?

— Обещаю, Кэсси, — Райли взяла меня на руку. — Мы его вытащим.

Я посмотрела на ребят: Элиос кивнул, Сибилла молча улыбнулась. В глазах подруги было что-то такое, что внушало мне спокойствие и уверенность, что все так и будет.

— Хорошо, — согласилась я. — Два дня.

Райли обняла меня за плечи.

— А теперь — ложись отдыхать. У меня еще есть дела, поэтому вернусь позже.

— Мы тоже пойдем, Касс, — сказала Сибби, взяв Элиоса за руку и пряча взгляд. — Не жди нас, ложись спать.

Я кивнула.

Когда комната опустела, я легла под одеяло, свернувшись калачиком, и закрыла глаза.

***

Проснулась я от жажды, которая мучила пересохшее горло. Села на кровати, проморгалась и поняла, что наступил вечер. Комнату окутал сумрак, а лампочка под потолком

тускло мигала, выхватывая из темноты трещины на потолке. Райли и Сибилла спали, их дыхание было ровным, глубоким, почти беззвучным. У них забыться получалось, у меня — нет.

Я привстала на койке, взяла с тумбы кружку с водой, мысленно поблагодарив Райли за заботу. Сделав несколько глотков, поставила кружку обратно и снова легла, глядя в потолок, где тени сплетались в причудливые узоры.

В голове крутилась киноплёнка прошедшего дня: все, что я узнала и испытала, проносилось перед глазами слишком быстро.

Я думала о Максе. Его забота напоминала теплое одеяло в душную ночь, а сам парень смотрел на меня так, будто я могла исчезнуть, если он позволит себе отвернуться. Рука неосознанно опустилась ниже груди — туда, где чувствовалось фантомное прикосновение, будто кто-то сжал в кулак внутренности и держал, не давая свободно дышать.

Макс был везде. За несколько часов нашего знакомства я успела понять, что он заполняет собой всё пространство. Ненавязчиво или грубо — он просто был. Разум твердил: Макс просто вежлив, рад меня видеть и хочет помочь, проявить заботу — единственным способом, который знает. В этом не было ничего плохого. Угрожающего тоже.

Но инстинкт, с которым невозможно было спорить, подсказывал, что я хочу оказаться подальше. Не от Макса — от неприятного давящего чувства в его присутствии. Будто я

растение в слишком маленьком горшке, и корням не хватает места.

Меня злило мое желание сбежать и оказаться как можно дальше. Как и неспособность искренне принять его заботу. Макс этого не заслужил.

И вдруг я вспомнила Логана и его попытки предупредить: не выделяться в академии, не лезть в пасть к зверю, не привлекать ненужного внимания.

Тогда я тоже злилась. Думала, что Логан просто боится за свою безупречную репутацию куратора, за своё место в системе. Но после...

Стоп. Что, если Логан знал о моем плане проникнуть в архив? Что, если он сразу обнаружил отсутствие пропуска и понял, что к чему?

Логан позволил мне осуществить задуманное. Вместо того чтобы остановить или предупредить, он принял наказание за меня. Сорок ударов плетью на глазах у всей академии. Я сжала пальцы, почувствовав боль под ребрами.

Логан знал, что я украду пропуск. Знал, что я пойду в архив. И ничего не сказал. Не потому, что боялся за себя, а потому что хотел, чтобы я узнала правду, даже если за это пришлось расплачиваться ему.

У меня перехватило дыхание.

Мне казалось, что Логан просто выполнял свою работу. Присматривал, контролировал, направлял. А он вставал между мной и огнем молча, без раздумий.

Интересно, смог бы Макс так поступить? Защитить меня от последствий моих же решений?

Но тут же поймала себя на мысли: правильно ли я сравниваю? У Логана была власть, статус, влияние. У Макса — только руки, которые хотят помочь, и сердце, которое знает только один способ быть рядом.

Я перевернулась на бок и уткнулась лицом в подушку.

Мысли путались, а я тонула в сомнениях: верить ли мне разуму или довериться сердцу? Я не знала ответа.

Сердце рвалось к нему — к Логану.

Я закрыла глаза и вдруг провалилась в пустоту.

Сознание плавно перевернулось — и я снова оказалась в знакомой палате.

Логан был не один.

На краю его койки сидела девушка-авгур, вплотную придвинувшись к Логану.

Возможно, пришла на перевязку или проверить, не поднялась ли температура.

Но у неё не было бинтов или градусника.

Вместо этого девушка склонилась к Логану так, что светлые волосы упали на его плечо. Осторожно, словно он был хрупким сокровищем, она взяла его лицо в ладони. Пальцы скользили по его щекам, задержались на губах и спустились к шее.

— Пожалуйста, — прошептала она, почти касаясь его лба своим. — Поешь, хотя бы ради меня.

В её взгляде я увидела нежность, боль и желание. Сердце болезненно сжалось.

Неужели все авгуры так ухаживают за пациентами? Или это личные привилегии? Потому что девушка смотрела на Логана не как на пациента. Она смотрела на него, как на то, что принадлежит ей одной.

Логан не отвернулся и не убрал ее рук. Просто лежал и смотрел на неё, молча принимая заботу. Неужели он настолько слеп?

Когда прохладное дыхание коснулось его губ, я забыла, как дышать. Девушка кормила его с ложки, аккуратно промакивая губы салфеткой, поправляла одеяло, гладила по руке. Каждое движение было медленным, нежным, будто она знала, что имеет на это право.

Я смотрела на ее пальцы, которые задерживались на его запястьях, где ремни врезались в кожу. Гладили, успокаивали, сжимали чуть крепче, чем нужно.

Сердце пропустило удар, и тут же забилось чаще. Я хотела крикнуть, чтобы она убрала от него руки, но не могла. Голос принадлежал Логану, но он молчал. Я не могла на него повлиять и чувствовала себя в его сознании такой же беспомощной, как и он, привязанный к своей койке.

На мгновение девушка прижалась лбом к его лбу, и несколько прядей упали на лицо Логана, смешались с его волосами. Видела — и не могла этому помешать.

Внутри что-то оборвалось. Я не выдержала — рванулась

прочь что есть силы, желая прекратить свои мучения, и когда видение померкло, шумно вдохнула, вновь оказавшись в своем теле.

Я лежала на койке и смотрела в потолок. Райли и Сибилла спали. Лампочка мигала, свет казался равнодушным. Трещины в потолке, казалось, насмехались надо мной, не давая ответов.

Кем была эта девушка и почему была там? Эти вопросы жгли изнутри. Сердце сжималось, грудь сдавливало, в горле стоял ком. Слезы жгли глаза, но я стиснула пальцы, впившись ногтями в ладони. Боль отрезвила, но не надолго. Я зажмурилась, прогоняя наваждение, но перед глазами все равно стояла она — ее руки на его лице, ее лоб, прижатый к его лбу.

Я отказывалась верить в то, что видела. Кто она? Почему Логан позволил ей заботиться о себе? Я хотела верить, что он не способен так поступить со мной. Это просто уход за больным, ничего личного. Но отрицать увиденное было невозможно.

Сжимая одеяло, я чувствовала, как внутри постепенно утихает буря. Не потому что я приняла и смирилась с тем, что видела. А потому что сил подпитывать ураган из эмоций больше не осталось.

Закрыла глаза, пытаясь не думать о ней и Логане. Но картинка не уходила, врезалась в память, как клеймо.

Что, если всё это ненастоящее? Что, если моя любовь к

Логану — не моя? Может, это дар, энергия, которая заставляет сердце биться быстрее, когда он рядом, и сжиматься от боли, когда его нет?

Может, я не выбирала Логана — это дар выбрал его за меня

Я сжала пальцы. Ногти впились в ладони, но боль не помогла. Мысли лезли, как черви, сквозь трещины в защите.

Если это так, то и ревность, и страх потерять — не мои. И пустота, которая разрастается внутри при мысли, что кто-то другой касается его лица, — моей быть не может.

Что страшнее: любить по-настоящему и бояться потерять — или любить иллюзию, зная, что однажды она рассеется?

Мне нужны были ответы. Нужен тот, кто их даст, потому что одной со всем этим оставаться было невыносимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.